

Антон Краснов

Миссия «Демо-2020»

Против лома есть приемы!

Антон Краснов
Миссия «Демо-2020»
Серия «Семь отмычек
Всевластия», книга 3

OCR Fenzin

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125918

*Краснов А. Миссия «Демо-2020»: Фантастический роман: АРМАДА:
«Издательство Альфа-книга»; М.; 2005
ISBN 5-93556-473-4*

Аннотация

2020 год. Вот такое недалекое будущее. Президент ВША (Всемирных Штатов Америки) Нэви Буш-третий получает в свое распоряжение машину времени, изобретенную русским ученым Малаховым. Жена президента, активная феминистка, приходит к мужу с немедленным требованием защитить права женщин в России концаXVвека! Абсурдное на первый взгляд предложение имеет свои выгоды, и к работе над миссией «Демократизатор-2020» подключается военный министр ВША генерал Бишоп, а также целая группа спецов из Российских штатов ВША. Что из этого выйдет, решат Александр Данилович Меншиков и его мин херц, царь и великий князь всея Руси Петр Алексеевич. Слабонервных просим не читать!

Содержание

Информация для НЕшуточного размышления	4
ПРОЛОГ С ДВУМЯ ПРИКАЗАМИ	7
Часть 1	15
ГЛАВА ПЕРВАЯ	15
ГЛАВА ВТОРАЯ	39
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	60
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	92
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Антон КРАСНОВ

МИССИЯ «ДЕМО-2020»

*На свете нет ничего дороже глупости, потому
что ни за что не приходится платить так много и
часто, как за нее.
Кто-то неглупый*

Информация для НЕшуточного размышления

Следует отметить, что на момент наступления на нашей милой планете 2020 года в мире установилась весьма своеобразная геополитическая ситуация. Соединенные Штаты Америки, которые и до этой внушительной даты имели нешуточные аппетиты (не подавиться бы!), теперь раздулись до глобальных размеров. Собственно, то, каким манером они увеличились, будет освещено ниже. А здесь хотелось бы заметить, что США продекларировали новое название и стали пафосно именоваться Всемирными Штатами Америки. Сокращенно – ВША. Не очень благозвучно для русского уха, но все же...

Этносоциальная ситуация в упрощенном донельзя виде примерно следующая: всем заправляют американцы, китай-

цам ни до чего нет дела, кроме своей Поднебесной, исламский мир продолжает буяннить, но не столь явно; политкорректность достигла небывалого уровня, и чем глупее, толще, чернее и феминизированнее существо, топчущее матушку-Землю, тем легче ему предаваться этому немудреному занятию.

Но есть одна раса, которая лишена ВСЯКИХ прав по той простой причине, что ее как бы нет. Это раса инферналов, в нашем российском просторечии именуемая нечистой силой. Инферналы – такое же полноправное население Земли, как и люди, но ведут полулегальное существование. Есть отчего. Если люди – детища техногенной цивилизации, то инферналы – существа магические, склонные пользоваться тем, что в бытовом обиходе именуется колдовством. Между тем магия запрещена на Земле законодательно. Имеется соответствующий закон США, и за его исполнением бдительно следит специальный комитет во главе с... Астаротом Добродеевым, русскоязычным инферналом по происхождению, проще говоря, натуральным русским чертом, которого занесло в кресло государственного советника Президента США.

Помимо людей и хитрых инферналов на Земле живет еще одна раса. Но даже те, кто к ней принадлежат, не догадываются о своем действительном происхождении. Это – дионы, выходцы из далекой галактики Аль Дионна и одноименной планеты. Существа, пропитанные магией, что называется, от кончиков пальцев до мозга костей. Их очень немного, товар,

так сказать, штучный. Дионы вообще играют в истории нашей планеты весьма своеобразную роль. Но об этом – ниже.

Считаю своим долгом предупредить тех читателей, кто знаком с романами «Семь отмычек Всевластия» и «Апокалипсис для шутников», в некотором роде предваряющими данное повествование. Так вот, до определенного момента герои этой книги НЕ ПОМНЯТ того, что происходило с ними в двух указанных выше опусах. Но, слава богу, наши ребята, в конце концов все отлично ВСПОМНЯТ! И употребят с пользой для дела. Только, как обычно, ничего хорошего из этого не выйдет...

Итак...

ПРОЛОГ С ДВУМЯ ПРИКАЗАМИ

Россия, 2020 год

– Ну-ка, Иван, дай гляну, чем тебе забивают мозги в твоей школе первого уровня.

– Папа, даже не проси. Мама не велела давать тебе книжки, потому что ты умен не по годам, как она говорит...

– Она так говорит?

– Да. Самому уже сорок четыре, а ума как у шестилетнего. Значит – меньше, чем у меня. Мне-то уже десять.

– Нет, все-таки что читаешь?

– Русские народные сказки на завтра к пересказу задали.

– О! Я и не думал, что ваши менторы сподобятся вам родные сказки преподавать. Это уже приятно. И полезно. И что же ты за сказку читаешь, Иван?

– «Приказ шуки».

– Как? – удивился отец. – Какой еще шуки? Что-то я такой сказки и не знаю. «Приказ шуки»... гм...

– Там, папа, про то, что главный герой Емеля ничего не делает и хочет, чтобы все делалось по приказу шуки, которую он по ее просьбе выпустил в прорубь. Наш преподаватель, мистер Грузовозофф, говорит, что в этой сказке лучше всего описаны качества нашего русского народа: лень, неряшливость и еще эта... хитрость.

– Это он о каком народе? – взвился папаша. – Хитрость!

Смекалка, наверно! Погоди... «Приказ щуки»... Ну-ка, дай сюда... «По щучьему веленью», что ли? Да это что же такое? «Переведено, просмотрено и одобрено цензурой...» Стоп! Это они что же, в министерстве образования переводят с русского на английский, чтобы выяснить, нет ли чего вредного и неpolitкорректного... а потом обратно на русский переводят, что ли? И в таком виде печатают?

– Да, папа, – хлопая ресницами, ответил сын Ваня.

– Тэ-э-эк-с! Очень хорошо! Просто прекрасно! И что же тут пишут в этом адаптированном политкорректном издании «Русских народных сказок»?.. Полюбопытствуем! Ага! Чудно!.. «Как-то раз уехали братья в таун, а их герлфренды говорят: „Емелья, организуй доставку воды с реки!“ – „Не в кайф!“ Тогда герлфренды и говорят: „Если ты не выполнишь наше поручение, братья вернутся и не привезут тебе презента с распродажи“. „О'кей, – сказал Емелья и направился организовывать доставку воды...“

Прочитав это, отец бросил книжку в дальний угол, где лежал большей частью разный хлам, и, поднявшись с дивана, воскликнул:

– Да за такие штучки вашему мистеру Грузовозофф и разным уродам в министерстве образования надо хари начищать!

– А что? – пожал плечами сын. – Учитель говорит, что эта сказка очень хорошо показывает, каким не нужно быть. Что ничего просто так не бывает! Вот этот Емелья...

– Не Емелья, а Емеля!

– Да, пап, Емеля. Вот он сказал, чтобы по приказу щуки, по моему желанию...

– Нет, не так. Все перепахали, сволочи. «По щучьему велению, по моему хотению...»

– «По щучьему велению, по моему хотению, езжай, печь, сама!» Она, наверно, со спутниковым управлением, да, папа? А еще там топор сам дрова рубил. А мистер Грузовозофф говорит, что ничто не делается само.

– Этот ваш учитель не такие уж и глупые вещи говорит, – произнес отец, – только так коряво это преподносит... А по сути этот Грузовозофф мало чем отличается от Емели, только Емеля веселее и не такой зануда. Что он делает, ваш учитель? Он же ни хрена не умеет!.. Кстати, сынок, принеси мне пиво из холодильника.

– Вот, папа! А Емеля сказал бы: по приказу щуки...

– По щучьему велению!!!

– Ну да. По щучьему велению, летите, бутылки пива, ко мне сами. А мистер Грузовозофф не пьет пива, он говорит, что оно вредно. А недавно у него сломалась хлеборезка... ну эта, новая, на фотонных батарейках... и он пришел в школу с перевязанным пальцем. Сам пытался хлеб резать. Ножом. Это ведь опасно, да, папа?

– Для таких недоумков, как твой мистер Грузовозофф, все опасно. Особенно опасно позволять им учить маленьких детей, – проворчал отец, – делают из них таких же идиотов,

как сами.

– Вот ты про него говоришь, что он идиот, а он про тебя только хорошее говорит и недавно сказал, что он был на голографической выставке и видел там твое изображение. «Хороший человек твой отец», – сказал он.

Папаша передернул плечами и пробормотал:

– Ну еще бы он по-другому сказал, если у меня губернатор штата в собутельниках ходит, а шериф и вовсе друг за-кадычный. Шериф!... Брр! Натаскали этой американщины, как будто у нас своего мало было! Иван, так подай мне пиво.

– Ты ж его выпил.

– Ну так сходи за ним. А, тебе же не дадут. Черт побери, и сигареты кончились! А у меня, как назло, нога разболелась.

– Мама идет!

Вошедшая женщина, завернутая в отливающий матовыми бликами темно-серый халат, произнесла:

– К тебе пришли.

И, не дожидаясь реакции супруга, исчезла.

– Папа, там к тебе из мэрии! – взвился сын.

– Из мэрии? Очень хорошо... Только их и не хватало. Ваня, иди спать. Поздно уже. И брось эту гадость!.. «Приказ шуки». Вот щучьи дети в этом министерстве культуры засели!

– Здравствуйте, сэр, – входя, проговорил рыхлый мужчина средних лет, похожий на морщинистую жабу, вопреки всем биологическим канонам покрывшуюся волосами. Кожа

у него была зеленоватого отлива, две бородавки красовались на переносице и в углу рта, и довершали картину густые бакенбарды модного оранжевого цвета с золотыми вкраплениями. – Я явился к вам по ордеру Центрального управления информационных технологий штата, отдел смежного генерирования...

– Да ладно! – оборвал его хозяин дома. – Понял. «Я к вам пришел навеки поселиться, надеюсь я найти у вас приют».

– Не понял, сэр.

– Шутка. Шутка такая – русская. Из русской юмористической книги. Васисуалий Лоханкин, не слышали?

– Он, простите, приходил до меня?

– До вас!!! Ладно, говорите: что вам? В такое время меня только по важному делу беспокоят, разве вам губернатор не говорил?

При упоминании о губернаторе толстый жабоподобный человек подтянулся и скорчил лицо так, что проявилась и третья бородавка, до того прятавшаяся в кожных складках щек. Он присел на краешек кресла и, вынув из складок своего одеяния звездно-полосатую папочку, открыл ее. Заиграл американский гимн, а в воздухе закружились звездочки, разрастаясь до светящегося шарообразного облака диаметром в полметра. Шар оброс плотью, дрогнул, и повисшая между полом и потолком голографическая башка какого-то лысого типа провещала:

– Мистер Афанасьевфффффф! (Казалось, это «ф» будет

бесконечным.) Вам предписывается оставить все дела и следовать за подателем сего. Ваш путь лежит в Континентальное управление высшей схоластики и мегагриссодеистики. Крыло 18, корпус 6, уровень 353, бокс 4-брауз. Дело касается государственной безопасности Конгломерата. Это приказ!!!

Жаба с бакенбардами захлопнула папочку, и голографическое облако с говорящей головой в центре завилось спиралью и растаяло. Хозяин дома присвистнул и после паузы произнес:

– Тэк-с! Такое ощущение, что пива мне попить толком не удастся.

– Так точно, сэр! – с готовностью рявкнул человек, страшно пуча глаза, словно от базедовой болезни.. – Доступ к алкоголю для вас приостановлен на всей территории штата и далее по континентальным образованиям!

– И когда приостановлен?

– Только что, сэр! Чтобы доставить вас в стопроцентной готовности в Управление, мистер Афанасьевф.

– Гм... – протянул тот. – Скверно, скверно. Придется доставать пиво по старинной сказке. Знаете такую: «По щучьему велению, по моему хотению...» Нет? Почему-то я так и думал. Вы вообще откуда такой взялись? Откуда? Из Бразилии? Н-да. Это где много диких обезьян, а вы одна из них? Ну ладно, шучу. Подождите меня в столовой. Можете с женой моей поболтать, хотя она, кажется, не в настроении.

– Слушаюсь, сэр!

После того как посетитель вышел, хозяин дома подошел к окну, распахнул внушительных размеров створку и глянул вниз. Стояла ночь. Внизу, под окном, приятным для глаз зеленоватым цветом отсвечивали окна ночного мегамаркета. Хозяин дома качнул головой и произнес, обращаясь невесть к кому:

– Серега, ты тут? А ну, доставь мне пару бутылочек пива. Без энергетиков. А то мне доступ приостановили эти сволочи. Давай, одна нога тут, другая там – или что там у тебя вместо ног?

– Ну сколько можно, – царапнул оконное стекло негромкий голос, в котором определенно сквозили нотки недовольства. – Опять!.. Ух!.. Тебе такая миссия положена, а ты – пить!.. Э-эх!!!

– Серега, не гнуси. Ты-то откуда знаешь, что у меня ТАКАЯ миссия? Какая? Или ты уже по своим каналам что-то пронюхал? Молчишь? Ладно. Скоро сам все узнаю. Так где мое пиво?

– Получай, алкаш!

В непроглядном массиве ночи вдруг блеснули две короткие молнии, похожие на неряшливые росчерки пера; хозяин протянул руки, и в обе ладони уютно улеглись две небольшие бутылки. Над ними еще слабо курился желтоватый фосфоресцирующий дымок. Хозяин дома щелкнул языком и произнес:

– Ну, отдыхай, Серега. Как у тебя там здоровье? Невра-

стения не мучает? А то ты же сам говорил, что ты весь в своего далекого предка, который вселился в Ивана Грозного, а тот предок страдал сезонными психозами и вообще обладал очень неустойчивой психикой.

– Да ну тебя... – донеслось до него, а остаток фразы завился штопором, как выходящий из трубы дым, и растрепался по ветру.

Мистер Афанасьев откупорил одну бутылочку и не спеша, с расстановкой, выпил несколько глотков.

– Н-да, – задумчиво произнес он, – это еще ничего... А вот в штате Техас запрещено стоя делать больше трех глотков пива подряд. И такое бывает, уважаемый Емелья!

Часть 1

ХАМЫ И МЕРЗАВЦЫ

*Ой, Вань, гляди, какие карлики
В джсерси одеты, не в шевьет,
На нашей пятой швейной фабрике
Такое вряд ли кто пошьет.
А у тебя, ей-богу, Вань,
Ну все друзья – такая рвань
И пьют с утра в такую рань
Такую дрянь!..
Владимир Высоцкий*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Агентство «Пятая нога» и его посетители

Россия, провинция, 2005 год

1

– Черт бы побрал эту... в-в-в... ж-жабу!

И бутылка пива, выброшенная в окно вполне приличным мужчиной средних лет, разбилась об асфальт. Прямо у ног

женщины строгого вида и со строгим макияжем а-ля «все равно я вам ничего не скажу, проклятые фашистские молодчики!».

...После того как глава информационного агентства «Пятая нога» Серафим Иванович Сорокин установил, что его жена, милая Лариса Лаврентьевна, просто идиотка, он вздохнул с облегчением. Еще недавно Серафим Иванович склонялся к той мысли, что он живет неверно, что его агентство – разваливающаяся дряхлая провинциальная контора, в которой даже не способны вывести мышей, обосновавшихся в складских помещениях, а не то что освещать жизнь довольно большого города и области; что у него нет денег, а те, которые есть, немедленно исчезают, и Ларисе Лаврентьевне даже не хватило на то, чтобы купить к осени новое пальто (сезонное; сам Серафим Иванович восьмой год ходил в одной и той же куртке). Далее: все сотрудники «Пятой ноги» – бездари, тунеядцы, лежебоки, неудачники и алкоголики. Четыре последних пункта в особенности касаются Жени Афанасьева, правой руки Серафима Ивановича. Сам же гражданин Сорокин пренебрег тем, что ему в жены досталась разумная, красивая, предусмотрительная и, самое главное, любящая жена, и ведет себя возмутительным образом. Не является домой в восемнадцать ноль-ноль, скрывает доходы, на прошлой неделе выпил два раза, а этот пошлый дурак Афанасьев посмел попасться на глаза Ларисе Лаврентьевне, когда она пришла на работу к мужу, чтобы решить очень важный вопрос: вы-

несет ли он наконец мусорное ведро, которое отравляет воздух в кухне в частности и жизнь Л. Л. в общем?..

– Это возмутительно, – выговаривала Лариса Лаврентьевна. – Между прочим, Сима, ты совсем забыл, что завтра день рождения у моей приятельницы Наточки и мы званы.

– У меня завтра важная встреча.

– Так ее можно отменить. Наточка обидится.

– Ты не поняла, дорогая. У меня очень важная встреча. – Серафим Иванович постучал полусогнутым пальцем по столу и предусмотрительно затолкал в один из нижних ящиков стола фотографию, на которой был изображен сам Сорокин, весь штат его информагентства, а также несколько молодых практиканток с пятого курса журфака университета, проходивших у Сорокина стажировку. Их свежие симпатичные рожицы могли вызвать у Ларисы Лаврентьевны такой всплеск ревнивых фантазий, по сравнению с которым тихоокеанское цунами показалось бы пупырчатой рябью на поверхности грязной лужицы.

– Какая такая важная? У тебя все встречи важные. И все для того, чтобы мне назло сделать! Вот как Женька Афанасьев на пьянку позовет, так у тебя сразу и время образовывается. И встречи становятся не такими уж и важными! А как сходить на день рождения к другу нашей семьи, тут уж!..

Лариса Лаврентьевна всплеснула руками в праведном гневе и умолкла, полагая, что степень подлости и непорядочности ее муженька освещена и обличена в достаточной мере.

Однако такой фонтан красноречия, как у мадам Сорокиной, заткнуть было не так просто. Если не сказать – невозможно. Впрочем, Серафим Иванович сам виноват. Он взялся оправдываться, хотя, собственно, и ни в чем не провинился:

– Ларочка, да при чем тут Афанасьев? Он меня только два раза пригласил. Да и что мне там делать, у Афанасьева? Ему еще и тридцати нет, а мне сорок три. Скоро сорок четыре. Что там мне...

Милая супруга пришила его к стене пронизывающим взглядом и прошипела:

– Вот именно! Вот – именно!!! Молодые! А тебе, старому козлу, лишь бы лишний раз слюни распустить на молодых вертихвосток! А этого твоего Афанасьева я знаю! Ты его еще и в заместители взял! А он из приличной журналистской организации что сделал? Что?! Бор-дель!! – безапелляционно отчеканила Лариса Лаврентьевна.

Серафим Иванович махнул рукой и попытался углубиться в какую-то пухлую папку с вырезками. Но не тут-то было! Разве можно предпочесть какую-то пыльную папку с дурацкими бумажками обществу приличной женщины, к тому же собственной жены?.. Нельзя?! То-то! Вот и Лариса Лаврентьевна так полагала. Она встала в третью позу Цицерона на судебном процессе бунтовщика и изменника Каталины и, потрясая вознесенным указательным пальцем, принялась выговаривать мужу:

– И что я должна сказать Наточке? Что она, друг нашей

семьи, может не дожидаться нас на собственном юбилее, потому что у моего непутевого мужа, видите ли, какая-то идиотская встреча?

Милая женщина продолжала в том же духе около пяти минут. Ну, может, чуть больше. По чести сказать, она могла разорваться и пять часов подряд, потому что чесание языком было самым регулярным физическим усилием в ее жизни. Больше она ничего и не делала. Серафим Иванович, конечно, мог возразить, что ему совершенно нечего делать на юбилее (53 года!) Наточки, сварливой старой девы, озлобленной на весь мир, в особенности на его мужскую половину. Это про таких, как юбилярша Наточка, придумывают анекдоты типа: «Сидят две старые девы и, поджав губы, наблюдают за тем, как петух гонится за курицей. Курица выбегает на проезжую часть, попадает под машину. Одна из старых дев со скорбным пафосом воздевает руки и говорит: „Она предпочла смерть!“ Это такие, как Наточка, любят в присутствии затурканного мужчины говорить подруге, которая и есть жена этого самого мужчины-недоразумения: „Какие же все-таки они козлы, хамы и мерзавцы! Каждая женщина – мученица, потому что эти сволочи мужики...“

Неудивительно, что Серафим Иванович не особенно рвался на день рождения к такой милой особе.

Обличительный монолог Ларисы Лаврентьевны был прерван неожиданным появлением молодого человека, довольно часто упоминаемого в речи мадам Сорокиной. Вошедший

был высокий худощавый парень с веселыми серыми глазами, большим ироничным ртом и какой-то особой зажигательной расхлябанностью во всех движениях и жестах. В одной руке он держал бутылку пива. Полуторалит-ровую. В другой виднелась пачка бумаг. Деловых?.. Возможно, когда-то они и были таковыми, но в данный момент в эти бумаги была завернута увесистая рыбина, приготовленная методом холодного копчения. Таким образом, цель визита молодого человека представлялась весьма прозрачной.

Это и был Женя Афанасьев, тунец, лежебока, неудачник и алкоголик, если пользоваться выдержкой из характеристики, данной ему Л. Л. Сорокиной. Заместитель руководителя агентства.

– Иваныч, а что, если нам немного?.. – начал было он, но тут же наткнулся взглядом на Ларису Лаврентьевну.

Та раздула ноздри, подобно тому как очковая змея раздувает капюшон перед нападением. Афанасьев тотчас же завел бутылку с пивом за спину и проговорил:

– Я тут проконсультироваться зашел. Насчет статьи.

– Очевидно, статья – про алкоголь?! – не утруждая себя предисловиями, в упор спросила Лариса Лаврентьевна.

– Ну почему же про алкоголь. Про свиней. Жрут, понимаешь, что ни попадя...

– Да, свиньи – они такие, – подтвердила Лариса Лаврентьевна, недвусмысленно глядя на Афанасьева, а потом переводя взгляд на своего мрачного мужа. – Особенно хряки и

боровы. Кабаны разные.

– Да, кабаны, – едва удерживаясь от смеха, отозвался Афанасьев, ловко задвигая пиво за секретер. – Кстати, в Новой Зеландии кабанам под угрозой судебного преследования запрещено раскапывать по ночам поля для гольфа. Боя-а-тятся! А вот во Франции свиней нельзя называть Наполеоном. Закреплено в законодательстве! Полезный закон. Вот почему у нас, в России, каждый второй поросенок – Борька, хотя Ельцин сменился с президентов не так уж и давно, всего пять лет как?.. Это возмутительно, правда, Лариса Лаврентьевна?

– Ну, я пошла, – поджав губы, произнесла та и, не удостоив обоих мужчин более ни единым словом, выплыла из кабинета Сорокина.

Серафим Иванович облегченно вздохнул и произнес:

– Вот ведь недаром она тебя идиотом величает! Ты в ее присутствии такую чушь несешь, что в самом деле покажется – чего я тебя держу, ведь болван болваном? Ну Женька, ну молодец! А я думал, что смерть моя пришла – загрызет!

– Да брось, Иваныч, – произнес Афанасьев успокоительно. – Плюнь, да! Дура есть дура. Ей всерьез ничего не докажешь, а вот такая туфта про свиней, которую я тут гнал, – это куда как действенней, это в самый раз. А что наша Лаврентьевна на этот раз к тебе на работу приперлась?

– А черт ее знает! Идти на день рождения к какой-то мегере надо. А у меня ее подруги-мужененавистницы вот где! Даже пиво допить не дала! – Серафим Иванович вытянул из-

под стола ополовиненную бутылку светлого пива, отхлебнул глоток и вдруг со словами: – «Черт бы побрал эту в-в-в... ж-жабу!» – выкинул тару в окно. С этого хулиганского деяния Серафима Ивановича и началось наше повествование.

Разбив бутылку, Серафим Иванович поднялся во весь свой внушительный рост и два раза прошелся взад-вперед по своему просторному кабинету, в котором из мебели наличествовал только упомянутый стол, а также узкий диванчик для посетителей и высокий, до потолка, плоский дубовый шкаф.

– Все настроение испортила! – проворчал он. – Кстати, Женя, очень хорошо, что ты сейчас пожаловал. Я уж хотел за тобой идти. Нет, не из-за Ларисы. Ты мне по делу нужен был.

– Да давай сначала ударим по пивку, Иваныч, а потом поговорим о делах. Свое-то ты пиво разбил, так что у меня преимущество: я угощаю, – хитро подмигнул Афанасьев. – Да ладно тебе расстраиваться, Иваныч, я же всегда говорил, что она круглая дура! Нет, я тебя понимаю, особенно после того последнего случая, когда она наткнулась на тебя и эту мымру Свищеву, практикантку из универа!

Случай, о котором вспомнил Афанасьев, в самом деле был образцово-показательным для трогательных отношений четы Сорокиных. Несколько дней назад, придя на работу к мужу для решения какой-то чрезвычайно важной проблемы (кажется, речь шла о покупке нового ершика для унитаза), Лариса Лаврентьевна застала мужа в момент, когда он весь-

ма задушевно беседовал с юной нимфой. Нимфа была студенткой филологического факультета университета, проходившей в агентстве журналистскую практику, так что беседа с ней вменялась Сорокину в прямую обязанность. К тому же нимфа была весьма толста и прыщевата, так что едва ли могла заинтересовать даже такого непритязательного мужчину, как Серафим Иванович.

Но попробуйте доказать это жене, которая застаёт благоверного в запертом кабинете с молодой особой и чутким пуританским носом улавливает буквально пронизывающие воздух флюиды порока и адюльтера. Неизвестно, какая жидкость из числа содержащихся в организме ударила мадам Сорокиной в голову, но только Лариса Лаврентьевна взвыла и швырнула в мужа стоящим у порога железным ведром, в котором было немного воды и плавала тряпка. А потом— схватила швабру и, как баба-яга на помеле, бросилась на проклятого кобелину. Несчастный Сорокин вылетел из своего кабинета, промчался по коридору, преследуемый по пятам ретивой супругой, а потом ворвался в кабинетик своего заместителя и нырнул в шкаф. Сидевший за столом Женя Афанасьев только было открыл рот, как дверь распахнулась, и на пороге появилась разгневанная богиня мщения — Лариса Лаврентьевна.

Афанасьев изобразил на лице такую сладкую улыбку, как будто только что проглотил килограмм пастилы:

— О, Лариса Лаврентьевна, очень кстати! Вот что вы ду-

маете о таком законе: в Ливерпуле считается противозаконным, если женщины появляется в публичных местах обнаженной до пояса, не будучи служащей тропического рыбного магазина?... А?

Лариса Лаврентьевна оскорбленно выпрямилась и хлопнула дверь. Серафим Иванович Сорокин мелко дрожал в своем незавидном убежище, глотая пыль и с трудом удерживаясь от того, чтобы не чихнуть...

Так с недавних пор и выяснилось, что самым действенным оружием против Л. Л. может послужить цитирование самых глупых законов разных стран мира. Впрочем, чему удивляться, все *законно*: глупость побивается еще большей глупостью.

...Серафим Иванович и Афанасьев допивали свою скромную порцию пенного напитка, когда открылась дверь, и в кабинет заглянула девушка лет девятнадцати. Афанасьев как раз в этот момент рассуждал о своей очередной пассивности, которая (ну что ты будешь делать!) оказалась ловкой стервой. Женя накануне неплохо отметил какой-то великий праздник калибра Дня шпалоукладчика, так что похмелялся с утра, и две вечные темы – футбол и бабы, а потом бабы и футбол – склонялись неустанно.

Появление неизвестной девушки очень миловидной внешности пришлось весьма кстати. Выяснилось, что ее направили на практику в информационное агентство «Пятая нога». Собственно, на самом деле оно именовалось скучно и

по-канцелярски «Пресс-информ», но журналисты народ веселый, и потом известно, что волка и журналиста ноги кормят. Отсюда и родилось это название сомнительного толка, но претендующее на юмор...

– Войдите.

Девушка вошла. У нее оказалось тонкое лицо, большие глаза и гибкая, с очаровательными формами фигура, как отметил тотчас же Женя Афанасьев. В лице ее было что-то почти детское, инфантильно-свежее. «У, какой замечательный образчик! – подумал Афанасьев. – В наше время такие барышни редкость... Нужно присмотреться, что ли? Хотя я еще с Ксенией не разобрался... Ну, бабы!» Так, лицемерно вменяя в вину своим девушкам то, в чем был виноват только он сам, Женя Афанасьев уже определил для себя новую цель, но не тут-то было!.. Начальник немедленно все испортил. Серафим Иванович скроил постную деловую мину и произнес:

– Присаживайтесь, прошу вас. Вы, кажется, Оля?

Та что-то ответила – Серафим Иванович не расслышал, – а потом как-то беспомощно улыбнулась и опустила глаза. Почти ребенок, не больше девятнадцати лет, подумал Сорокин. Хотя в этом возрасте попадаются такие экземпляры – закачаешься! (Ах, если бы его мысли могла подслушать благонаправная Лариса Лаврентьевна, она бы показала, что недаром ее папа носил звучные и знаковые имя и отчество-Лаврентий Павлович...)

– Очень приятно, – буркнул Серафим Иванович. – Будьте добры, Евгений, зайдите ко мне через полчаса. Я пока дам нашей новой практикантке несколько рекомендаций. Вы ведь еще не работали журналисткой, не так ли? – обратился он к ней.

– Н-нет...

Женя Афанасьев вышел в коридор и обратился к стоявшему у окна редакционному водителю Паше Бурденко:

– Иваныч там сидит и строит из себя спеца. Но не миновать нам членовредительства, если его мегера, крыса Лариса, вздумает вернуться. Убьет бедного Иваныча!.. С одной стороны, мне хорошо, я стану главным. А с другой стороны, вам всем плохо – я ведь вас, бездельников, всех разгоню и...

Паша Бурденко, который был занят важным и требующим полной концентрации делом – кидал скатанные из бумаги шарики в стоявший под окном мусорный контейнер, – ответил:

– Да ладно тебе на Иваныча тянуть. Ты о новой девочке из университета, что ли? Сам, поди, уже глаз положил!

Афанасьев слабо передернул плечами. Тут зазвонил мобильный, а так как звонил старый друг Колян Ковалев с на редкость оригинальным предложением сходить в сауну, то Женя полностью переключился на разговор и тотчас же забыл и о безымянной практикантке с юной и соблазнительной фигурой, и о Серафиме Ивановиче, дающем ей мутные и необязательные инструкции...

Вскоре после того, как глава информагентства выпроводил Афанасьева, а еще через несколько минут распрощался и с девушкой-практиканткой, к нему пришел посетитель. Невысокий мужчина средних лет в простом сером костюме, неброском, но. идеально пригнанном по фигуре, неулыбчивый, спокойный, с подчеркнуто доброжелательным цепким взглядом. При виде его Серафим Иванович насторожился и несколько неестественным голосом пригласил присаживаться. Внутри него какой-то суетливый и беспокойный чертик заголосил, что вот сейчас придется несладко.

– Я звонил вам из Москвы вчера вечером, – сказал посетитель. – Надеюсь, вы не запамятовали?

Голос у него был приятный и хорошо поставленный, тембр глубокий и насыщенный – как у маститого актера. «Такой не забудешь», – подумал Сорокин. Особенно когда этот голос принадлежит человеку из центрального аппарата федеральной военной разведки. Да, именно так!.. Кабинет Серафима Ивановича славился тем, что в нем бывали самые разные люди, от пьющего дворника-интеллигента, рассуждающего о пражской структурно-лингвистической школе, до заведующего продуктовой базой, догадывающегося о существовании А. С. Пушкина из расхожего выражения: «А за квартиру Пушкин платить будет?»

Но сегодня разброс посетителей был особенно велик: от самодурствующей супруги и ветреного сотруди́чника – до человека из ГРУ РФ. Серафим Иванович наморщил лоб и попытался выглядеть умнее, нежели ему положила матушка-природа.

– Так вы помните? – повторил посетитель терпеливо.

– Да, разумеется, – ответил Серафим Иванович. – Только я думал, что вы прибудете позже. А вы – так быстро. Гм... Простите, как вас...

– Ярослав Алексеевич, – с готовностью подсказал посетитель. – Легко запомнить.

– Да, – кивнул Сорокин. – Итак, что привело вас ко мне? Честно говоря, я несколько удивлен...

– Ну полноте, Серафим Иванович. Насколько я знаю, вы не так давно стали частным лицом. А до того работали в пресс-службе областного управления ФСБ, не так ли? И со столичными гостями вроде меня чуть ли не каждый день контактировали. Что скромничать?

И московский гость по-свойски подмигнул.

– Кстати, вам привет от Владимира Сергеевича.

– От какого?

– От того самого.

Серафим Иванович не сразу понял, что скрывается за глубокомысленным «от того самого», однако же старательно скроил мину глубокого понимания и проникновения в суть ситуации. Давно он не чувствовал себя столь глупо и дву-

смысленно.

– Очень серьезное дело, – сказал Ярослав Алексеевич. – Откровенно говоря, все то, что я вкратце расскажу вам, является государственной тайной.

Сорокин едва заметно кивнул. Он тоскливо подумал об Афанасьеве, который так ловко соскочил и теперь, наверно, уже сидит в кафе с этой... как ее... Олей... Леной... Алей... А тут изволь слушать спецслужбиста, приволокшегося аж из первопрестольной! «Является государственной тайной»! Такое начало разговора не совсем понравилось ему. Более того, оно совсем ему не понравилось. Даже разговоры с женой, как правило, начинающиеся словами «знаешь, я тут подумала...», вызывали у него больше оптимизма.

– Дело в том, что у нас пропали очень важные документы, – сказал Ярослав Алексеевич, – и они должны быть как можно скорее возвращены. Это касается интересов государственной безопасности. Не удивляйтесь, нет!.. Я понимаю, что вы не сыскное, а информационное журналистское агентство! Но ведь бывают и журналистские расследования, а?

– Простите, – сказал Сорокин, – но даже если придумать... то есть предположить, что мы тоже ведем расследования... почему в таком случае вы обращаетесь к нам? Я бы понял, если бы вы были частным липом, но то ведомство, которое вы представляете... по-моему, оно смогло бы справиться с задачей куда профессиональнее и оперативнее, чем мои люди.

Посетитель слабо улыбнулся.

– Я же просил вас не удивляться, Серафим Иванович. Если я обратился именно к вам, то это значит, что решение принято на самом высоком уровне и обжалованию не подлежит. Разумеется, если вы согласитесь предоставить нам ваши услуги, – вежливо прибавил он, – которые, разумеется, будут хорошо оплачены.

Серафим Иванович пристально посмотрел на каменное лицо гостя, и уголок его рта непроизвольно дрогнул. Такому откажешь!.. Но. тут совершенно определено что-то нечисто! Ведь, кроме спецслужб, прокуратуры, милиции, существуют частные розыскные структуры, нафаршированные разного рода «бывшими», которые проведут любое расследование куда лучше, чем безалаберные журналюги Сорокина. Любое – от пропажи белых тапочек на картонной подошве до исчезновения из военно-морского ремонтного дока атомной подводной лодки водоизмещением этак в десять тысяч тонн. А лучше двадцать.

Ну, если ему нужно, значит... К тому же его наверняка видели, скажут, что в кабинет Серафима Ивановича заходил, похоже, хорошо обеспеченный посетитель, явно желающий заказать рекламный – следовательно, хорошо оплачиваемый – материал.

И если такая информация дойдет до Ларисы Лаврентьевны – а такая информация почему-то доходит до нее ВСЕГДА! – то самым щадящим началом беседы с женой может

стать примерно такое: «Изверг! К тебе приходил солидный клиент, представительный такой мужчина, просил о небольшом и хорошо оплачиваемом одолжении, а ты, а ты отказал, бездарь, тупица, ничтожество! Угробила на тебя мою молодость, хам и мерзавец, а ты и копейки не можешь заработать без меня...»

Серафим Иванович взвесил все эти аргументы, столь далекие от соображений государственной безопасности, оценил незавидную свою перспективу и сказал печальным голосом:

– Я вас слушаю.

– Так вот, – заговорил Ярослав Алексеевич, – как я уже сказал, пропала важная информация. Это научные разработки сотрудника одного из подмосковных НИИ. Человека уникального интеллекта. Дело в том, что седьмого августа... два месяца назад, – разведчик выдержал эффектную паузу, – два месяца назад он погиб при эксперименте. Взрыв. Его эксперименты носили весьма рискованный характер, и, соответственно, рано или поздно такое могло произойти. Он сам так говорил.

– Как его звали?

Приезжий прищурил один глаз, вызвав смутные ассоциации с Соловьем-разбойником, и выговорил:

– Малахов. Николай Малахов.

– А в какой области он ставил свои эксперименты? – запинаясь и чувствуя себя определенно не в своей тарелке, про-

говорил Серафим Иванович.

Ярослав же Алексеевич склонил голову набок, небрежно почесал пальцем щеку и сказал:

– Вообще он физик. Но детали мне неизвестны. Врет, подумал Сорокин. Вне всякого сомнения – отклоняется от истины, как Лев Давидович Троцкий. Это выражаясь литературно. Посетитель не нравился Серафиму Ивановичу с самого начала, но как можно было выпроводить ни с чем прилетевшего аж из Москвы сотрудника секретного ведомства.

– После его смерти установили исчезновение важнейших данных. Документов и дискет, а главное – диска с важнейшей информацией. Вот этот диск мы и хотели бы получить, и самое смешное, что помочь в этом сможете только вы... ну и – некоторые из ваших сотрудников.

– Кто именно?

Ярослав Алексеевич заглянул в свою папку (хотя Сорокин был уверен, что его собеседник и без того все помнил).

– Некто Афанасьев, – наконец сказал он. – Евгений Владимирович. – Работает у вас такой человек? У меня помечено, что он в свое время работал в милиции; занимался графологической экспертизой, не так ли?

– Подрабатывал, если уточнить, – кисло сказал Сорокин. – Не думаю, что Афанасьев может быть чем-то полезен вам. Он хороший журналист, пишет неплохо, но у него всегда были проблемы со сбором информации... любит, знаете ли, распыляться на малозначимые мелочи... Этакий...

– Вы упорно отказываетесь меня понять, – перебил его московский гость, – если я говорю, Серафим Иванович, что ваш сотрудник Афанасьев может быть нам полезен, это означает, что так оно и есть. Надеюсь, вы не сомневаетесь в нашей компетенции?

«Да что ж ты привязался ко мне, сволочь этакая? – тоскливо подумал Серафим Иванович Сорокин. – Хорошо Афанасьеву, сейчас дует пиво, поди, а мне тут за него... И рожа же у этого типа... Ярослава Премудрого, блин!»

– Вот и прекрасно, – кивнул тот, очевидно истолковав молчание гражданина Сорокина как полное с собою согласие. – Чтобы перевести нашу беседу в более предметную плоскость, вот, благоволиите взглянуть, Серафим Иванович. Вот такая сумма вас устроит?

И он быстро написал цифру на вынутой из кармана прямоугольной бумажке, впоследствии оказавшейся визитной карточкой Ярослава Алексеевича. Сорокин взглянул на обозначенную там сумму, и его брови медленно поползли вверх.

– Что же там на этом диске, господи? – негромко проговорил он. – Тут же... Вы нас за кого принимаете?.. Мы – провинциальное журналистское агентство, и никаких возможностей для ведения настоящего высокотехнологичного следствия у нас не...

– Я же сказал, что это очень важная информация, – проговорил Ярослав Алексеевич. – Я прекрасно сознаю, что масштаб гонораара для вас чрезвычайно впечатляющий и, если

учитывать основную сферу вашей занятости, – недостижимый. Ну что же, вы готовы слушать меня далее?

Серафим Иванович взмок, как мышь. Он даже пошевелил ушами, каковая уникальная способность проявлялась в нем только в минуты величайшего волнения.

– Да.

– Так вот, как я уже говорил, данные исчезли. Главная версия – это то, что Малахов сам передал их кому-то, потому что только он имел доступ к этим данным. Малахов был очень замкнутый, малообщительный человек. Он неотлучно находился в НИИ, жил там же в городке под постоянным контролем наших людей, следовательно – не мог передать диск в другие руки. Близких родственников у него нет... не было, друзей тоже. Он холост.

Ярослав Алексеевич говорил четкими рублеными фразами, взвешивая каждое слово и как-то особенно оттеняя интонационно ключевые моменты своей речи. Сорокин напряженно смотрел в одну точку на поверхности стола. Перед глазами вертелась жена, благоверная Лариса Лаврентьевна, требовавшая купить ей сразу три шубы – впрок!

– После его гибели в его вещах обнаружено два письма, написанных несомненно женским почерком. Конвертов нет, так что с обратным адресом ясности никакой. – Ярослав Алексеевич покачал головой, а потом продолжал с резко помрачневшим лицом: – Самое главное – вот что странно: у Малахова просто не было времени ни на какую личную

жизнь, да он был вообще порядком инфантилен, и с женщинами у него как-то не ладилось... Стеснялся жутко. Да и времени у него на всякие там ухаживания, откровенно говоря, было не очень... Вернее, не было совсем. А, судя по письмам, эта женщина была с ним в самых близких, интимных отношениях. Последние несколько лет он постоянно пребывал в эпицентре серьезных исследований – у него, образно говоря, алиби в плане всякой личной жизни. Никто из женщин, кроме пожилой ассистентки, к нему ближе чем на пару километров и не подходил.

– А где эти письма? – спросил Сорокин, плавая в мутной испарине и понимая, что он, сам того не желая, влип в какую-то темную историю. Просто так ТАКИХ денег не предлагают... А что? Жена всегда говорила, что ей пошел бы траур...

– В гостинице, – ответил Ярослав Алексеевич. – В сейфе. Я не мог их вот так запросто взять с собой. Эти два письма, по сути, не несут никакой информации. Там важны только два момента – сам образец почерка, графологическая экспертиза которого может дать достаточно полную характеристику этой женщины, и...

– И что?..

– Ее имя. Лена.

– Лена? – переспросил Сорокин. – Но в России миллион женщин и девушек, носящих такое имя.

– Совершенно верно, – снисходительно откомментировал

разведчик. – Не торопитесь, Серафим Иванович. И не дергайтесь!.. Дело в том, что эта девушка живет в вашем городе. Вот она-то нам и нужна. Данные, которыми интересуется мое ведомство, должны быть у нее. По крайней мере так следует понимать из последнего письма. Нет, безусловно, в вашем миллионном городе много тысяч девушек, которые носят это распространенное имя. Но все-таки, Серафим Иванович, есть шансы...

Ярослав Алексеевич встал.

– А теперь поедem в гостиницу. Я передам вам эти два письма.

– Хорошо, – ответил Сорокин, по спине которого невольно пробежала дрожь: интуиция ли подсказывала ему, что дело, за которое он только что взялся, куда сложнее и ответственнее, чем все, что когда-либо было в его жизни, или же на каменном лице человека с древнерусским именем, в сухом блеске стальных глаз он успел уловить нечто такое, отчего леденящий ужас обволок его холодным саваном?..

– Но мы должны взять с собой еще одного человека.

– Кого? – быстро спросил Сорокин.

– У вас работает человек, который превосходно разбирается в графологии. Он нам и нужен.

– У нас все разбираются в графологии. И особенно в графомании, – попытался пошутить Серафим Иванович, но вышло кисло. – Вы, наверно, говорите об Афанасьеве? Вы уже упоминали...

– Да, о нем.

– Но его сейчас нет... он пошел на пресс-конференцию, – мучаясь, ответил Сорокин, с содроганием представляя себе эту «пресс-конференцию».

– А когда вернется?

– Да не позже чем через час, – потея под пристальным взглядом Ярослава Алексеевича, ответил руководитель многострадального агентства «Пятая нога».

– Хорошо. Через полтора часа жду вас у себя. Гостиница «Чехия», тридцать шестой номер.

И, не прощаясь, сотрудник федеральной внешней разведки вышел из кабинета Сорокина. Серафим Иванович бросил отчаянный взгляд на спинку стула, на которой висел брючный ремень, и подумал, что он зажился на белом свете.

– Елена... – пробормотал он. – Премудрая и Прекрасная... Русские народные сказки какие-то, только деньги американские. Вот если Женьке отключили мобильный за неуплату, что с ним случается каждую неделю, то мне такая «благодать» светит...

И он решительно снял трубку, чтобы звонить своему первому сотруднику. На оконном стекле, кривляясь, как пьяные чертики, танцевали веселые солнечные блики, и под порывами молодого весеннего ветра пузырилась, взлетая к едва ли не прилипая к потолку, потерявшая занавеска, пугающе убогая на фоне обозначенной Ярославом Алексеевичем жирненькой суммы.

Слишком жирненькой, чтобы быть чистой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Люди, несносные во всех отношениях

1

– Ух, хорошо! – безапелляционно заявил Колян Ковалев, заворачиваясь в простыню и выходя в предбанничек, где за деревянным столом его уже ждали неразлучные друзья – Женька Афанасьев, журналист и борзописец, да Василий Васягин, новоиспеченный лейтенант милиции, хотя еще не так давно он маялся всего лишь в сержантах, а потом в старшинах. – Ну что, мужики, че дальше делаем? Царапнем по паре рюмах, да и девчонок звать?

Васягин, который время от времени пытался поддержать реноме правоохранительных органов и по этому поводу строил из себя наиболее высоконравственного их всех трех друзей, заметил:

– Колян, а тебе-то зачем? У тебя дома жена молодая, Галя, женился ты всего как полгода. Хорошее имя, а главное – редкое, как говорится в известном фильме.

Ковалев махнул рукой: – Хорош занудствовать, старлей! – Я не старлей, а просто лейтенант.

– А если просто лейтенант, так тем более. Лейтенант обя-

зан наслаждаться жизнью, а ты ведешь себя как обсыпанный нафталином подполковник. Женёк, ты-то как? Не против?

– Я-то не против, а на Васягина ты не смотри, И он у нас известный ханжа. Так что...

Афанасьев хотел выдать еще пару-тройку убийственных фраз в адрес известного ханжи и ревнителя нравов товарища Васягина, однако тут зазвонил мобильный. Женя взял его и поморщился, увидев, что на дисплее определился номер редакции.

– Ну что ему еще надо? – пробурчал он. – Иваныч же соби-
рался эту молоденькую... практикантка которая... инструк-
тировать.

– У него же жена ревнивая, – незамедлительно встрял Ко-
лян. – Куда ему инструктировать? Да он уже немножко мхом
стал покрываться, ваш Иваныч, что его на молоденьких тя-
нет-то? Студенточка, поди? – хитро подмигнул он Афана-
сьеву.

– Ну да, – сказал Афанасьев и поднес трубку к уху. – Да,
слушаю, Серафим Иванович. Что тебе? Что? Кто? Ну-у-у...
меня? А он, часом, не ошибся? Как? Да ты что... прямо из
Москвы? – трусовато поблескивая красивыми глазами, ко-
торые давали столько поводов для шекспировской ревности
его многочисленным подружкам, пролепетал Афанасьев. – И
сказал, что эти бумаги... мне?

– Вот именно.

– А у них там что, своих спецов нет? Там же, наверно,

такие зубры сидят, что я на их фоне просто таракан на бельевой веревке. – Афанасьев поежился и нерешительно посмотрел на Коляна Ковалева, сидящего напротив и строящего страшные рожи из разряда «смерть предателям и уклонистам». – Что, едем к этому... Ярославу Алексеевичу? Так, Иваныч?

– Совершенно верно. Жду тебя через полчаса у гостиницы «Чехия».

– Иваныч, через полтора, а? Дай с ребятами допариться, тут и пива совсем ничего осталось...

– Нет! – обрубил Серафим Иванович. – Знаю я твое «совсем ничего»! Ты в прошлый раз на пресс-конференцию к первому заместителю председателя правительства области тоже ходил, когда «совсем ничего», а в результате такая статейка появилась, что мне самому чуть статью не вляпали, а агентство едва не закрыли.

– Так это в прошлом году...

– Хватит! Через полчаса, и ни минутой позже! Очень, очень важное дело!

И Женя услышал в трубке короткие гудки. Он растерянно взглянул на Коляна Ковалева и пробормотал:

– Что-то Иваныч ведет себя странно. Не по-херувимски.

– Не по хе... Как?

– Херувим – это вроде на небе такой живет, – пояснил одаренный лейтенант Васягин. – Типа ангела. А еще серафим. А Женькиного начальника как раз и зовут Серафим Иваныч.

Вот Афанасьев и прикалывается.

– А-а-а...

– Все ты правильно сказал, Вася, только не до приколов сейчас. Иваныч прямо с цепи сорвался. Что это с ним? Даже когда на интервью к Пугачевой Алле Борисовне, когда она к нам на гастроли приехала, опаздывали, и то он так не пугырился. А тут... Черррт его знает, зачем я ему так срочно понадобился!

– Так у нас же еще пиво, а в холодильнике водочка... – недоуменно проговорил Колян.

– Без меня выпьете.

Ковалев недоуменно воззрился на Женю Афанасьева и, разведя —руками так, как будто он хотел обнять какого-то невероятно толстого человека, проговорил:

– То есть что значит – без тебя? Маразм какой-то! Это... ты своему Херувиму Ивановичу...

– Серафиму, а не Херувиму.

– Ну вот, я это самое и говорю. Серафиму этому скажи, что не дело так обламывать. Если б еще платили по делу и начисляли нормально... А то ты уже сидишь третий месяц без копейки, а он тебя только кормит «завтраками»: «завтра, завтра»!

– Так денег не начислили партнеры, – слабо попытлся защищаться Женя, впрочем прекрасно сознавая, что его доказательная база очень слаба.

– Денег не начислили!!! – окончательно воспламенился

темпераментный Колян. – Так пусть он прямо и скажет, что деньги будут... ну, скажем, к августу 2020 года, а пока что пятнадцать лет поработай на доброхотных началах, блин!

Афанасьев махнул рукой и стал собираться. Честно говоря, он уже и не вслушивался в последние слова Ковалева. Его мысли были заняты другим. Что-то уж очень суров и безапелляционен обычно кроткий и незлобивый, как и положено человеку с таким именем, Серафим Иванович Сорокин!.. Наверно, в самом деле приключилось что-то экстраординарное. Э-эх!..

– Ну, иди, иди! – напутствовал его Колян. – Может, аванс какой дадут, а то пьем все время за мой счет, блин!

На это возразить было совершенно нечего.

2

– Евгений Владимирович? – Человек из службы внешней разведки посмотрел на Афанасьева с неприкрытым интересом. – Очень приятно. Жаль, что причина, из-за которой возникла необходимость с вами познакомиться, столь неприятна.

Афанасьев захлопал глазами: пугала многозначительная внушительность, с которой выражался Ярослав Алексеевич.

– У вас дома есть сейф?

– Сейф? – Афанасьев поморщил лоб, а потом отрицательно покачал головой: – Сейфа нет. А зачем он мне дома? Пря-

тать от конкурентов секретные материалы журналистских расследований?

– Вот именно, – ответил московский гость. – А на работе?

– На работе есть, – за Афанасьева ответил Сорокин. – Я так понимаю, он может потребоваться.

– Непременно.

И с этими словами Ярослав Алексеевич вынул из внутреннего кармана чистый конверт. По тому, как осторожно он держал его двумя пальцами, Сорокин понял, что это и есть те самые письма от

таинственной незнакомки, адресованные Николаю Малахову.

– Взгляните, Евгений Владимирович. Афанасьев взглянул на шефа, а потом принял

конверт и медленно вытянул из него несколько сложенных вдвое листков. Развернул и увидел, что в нескольких местах из текста вырезаны фрагменты. Несколько продолговатых прямоугольничков, содержавших, судя по всему, не более одного-двух слов.

Присмотревшись, Афанасьев понял, что это одно слово. Более того, это имя. Или фамилия.

– Мы нашли эти письма уже испорченными, – сказал Ярослав Алексеевич. – По всей видимости, вырезал сам Малахов, потому что никто, кроме него, просто не мог этого сделать.

– А вы? – неожиданно для себя самого спросил Афана-

сьев.

– Мы? Зачем же нам осложнять вашу работу? Возможно, уничтожена фамилия человека, у которого эта женщина – Елена – спрятала пропавшие данные.

– Да, да, конечно, – пробормотал Афанасьев, пряча конверт в карман пиджака. – Простите...

Они уже собрались уходить из номера москвича, условившись о связи, как Ярослав Алексеевич хлопнул себя по бокам и воскликнул:

– Чуть не забыл! Вот.

– Что это? – спросил Сорокин, разворачивая протянутый ему лист с компьютерной распечаткой.

– Это отчет графологической экспертизы этих писем, сделанной в Москве. У нас. Посмотрите, должно помочь. И помните – эти письма следует беречь как зеницу ока! Да, и еще... – Он внушительно посмотрел сначала на Сорокина, а потом на Афанасьева и вкрадчиво произнес: – Я также рекомендовал бы не сообщать о нашем разговоре ни коллегам, ни родственникам. Все-таки дело государственной важности.

– Не нравится мне все это, – уже на лестнице сказал Сорокину Евгений Афанасьев. – Даю голову на отсечение, что этот, из разведки, что-то недоговаривает.

– Не что-то, – отозвался Сорокин, – а очень многое. Но мы должны делать то, о чем нас просят. Ты знаешь, сколько составит наш гонорар в случае успеха?

– Ну?

И Сорокин назвал цифру, услышав которую Афанасьев споткнулся и скатился по лестнице, отчаянно оскверняя атмосферу замысловатой бранью. Сорокин посмотрел ему вслед и пробормотал:

– «Рекомендовал бы не посвящать в это дело ни коллег, ни родственников»... Родственников! Да меня моя жаба изведет вопросами, откуда мне перечислили ТАКИЕ деньги!.. НЕ убил ли кого?.. НЕ ограбил ли?.. Хотя не далее как позавчера орала, что я и мухи прихлопнуть не могу, даже если мне за это заплатят! Интересно... что она теперь скажет...

Впрочем, Серафим Иванович кривил душой: ему не было интересно, что именно скажет его супруга. Достаточно было взглянуть на его тоскливую шаркающую походку, когда он плелся домой...

В то время как Женя Афанасьев...

О, этот Афанасьев!

Возвратившись в редакцию, Афанасьев заперся в опустевшем кабинете Сорокина, том самом, что располагал сейфом, и внимательно, с нескрываемым интересом прочитал оба письма. Еще бы – ведь они сулили счастливое и безбедное существование на всю оставшуюся жизнь. А осталось не так уж и мало.

«Здравствуй, Коленька. Сегодня я проснулась ночью оттого, что мне приснилось, как ты катаешься со мной на „Чертовом колесе“ в городском парке. Я проснулась, зажгла лампу

и начала смеяться, как сумасшедшая, вспомнив, как я учила тебя плавать. Ты тогда был похож на новорожденного котенка и как-то по-детски вылезал на берег... Извини, если обидела.

Последний раз ты был очень мрачен, и я никак не могу забыть, как ты ходил со мной в театр и плакал, когда... (в письме зачеркнуто, потом поверху неразборчиво дописано) такого теперь не бывает. Мой начальник, оказывается, тоже был в тот раз в театре, правда в основном в буфете, где он восторженно лакал водку с пивом. Разумеется, напился, как утопленник в весенний разлив. А на следующий день он сказал, что (зачеркнуто, но Афанасьеву все-таки удалось разобрать), дескать, чего это ты, Ленка, гуляешь со всякими худосочными бледно-зелеными студентами консерватории? Это ты — студент консерватории. (Дальше разборчиво.) Он намекнул, что при встрече обязательно расскажет все *** (вырезано), по дружбе раскроет глаза на жену. Хорошо, пришел посетитель, и они с моим начальником начали пить водку. Завтрак репортера.

Колечка, мне так часто становится страшно за все то, что сегодня между нами. Глупо думать, что такое может остаться надолго и не сорвется и не улетит, как осенние листья под ветром. И еще (неразборчиво) он начал догадываться, что я люблю тебя. Когда ты пришел к нам, чтобы показать свои рисунки, которые он обещал взять, то помнишь, тогда уронил чашку с кофе и долго собирал осколки. Помнишь? Так

вот, Колечка, в этот момент он обо всем догадался. Просто он хороший и всегда честен перед собой (неразборчиво) не хочет признаться, что его жена прислонилась к другому. Он чувствует. Он любит меня, и это очень больно, что вот так (зачеркнуто).

Ну вот... кажется, он идет... Коля (буква «я» срывается беспомощной кривой линией, а несколько ниже дописано куда более ровным почерком)

Я не хотела посылать тебе это письмо. Но так будет нечестно. То, что ты хотел принести мне, *** согласен некоторое время сохранить у себя. Я сказала ему, а еще я хотела добавить, что я лживая тварь и обманываю его, такого чудесного человека, что и такая любовь, как наша с тобой, может пятнать и клеймить, но он так умоляюще посмотрел на меня, что я окончательно уверилась: он все знает. Но слишком (все перечеркнуто, и внизу каскадная подпись)

Люблю,
родной,
твоя
Лена».

Афанасьев покачал головой и отложил письмо в сторону. Чем же занимался этот Малахов?

Впрочем, кое-что уже можно вычленить из этого письма влюбленной женщины. Во-первых, она журналистка. Об этом свидетельствует ироническая ремарка в адрес шефа:

«завтрак репортера». Во-вторых, она замужем, и ее муж — достаточно покладистый и душевный человек. Хотя все это, конечно, общие фразы.

Но многое непонятно. Каким образом этот Николай Маляхов мог встречаться с любимой женщиной в поволжском городе и даже проводить с ней время в театре и учиться плавать, если, по словам того сотрудника внешней разведки, он не покидал своего подмосковного городка?

Афанасьев вздохнул и начал читать второе письмо.

«Здравствуй, Коля. Почему вот уже несколько дней тебя нет дома и ты не звонишь и не заходишь? Я решила оставить это письмо в твоём почтовом ящике, быть может, так вернее дойдет. До тебя вообще медленно доходит, родной. Сегодня я вдруг вспомнила, как мы с тобой познакомились. Ты сидел на бортике фонтана, опустив ноги в воду, и смотрел на брызги. К тебе тогда подошел мент и сказал, что ты нарушаешь общественный порядок. По-видимому, его прислали издалека, потому что акцент был нещадный и такой... праведный, что ли. Меня так это взбесило, что я прыгнула в фонтан прямо в туфлях и длинном платье... ну, ты помнишь. И сразу же пошел дождь.

А потом я два дня мучалась воспоминанием. Мне все казалось, что я уже где-то видела тебя до нашей встречи. И что эта встреча была не простым столкновением в толпе, а — незабываемая. И все-таки я забыла...

Странно. Мы знакомы уже несколько недель, а я не знаю о тебе ничего. Кто ты? Почему в нашем городе у тебя нет ни друзей, ни знакомых, ни родственников? Ни работы, ни учебы. Ты говорил, что ты откуда-то издалека (нет, нет, не как тот меднолобый мент!), но только сейчас я призналась себе, что не верю. Иногда мне кажется, что у тебя нет родственников и друзей не только в нашем городе, но и на всей земле. Глупо, правда?

Главный редактор наш совсем спивается. Чем больше пьет, тем больше орет, что он на самом-то деле гениальный и непризнанный писатель и ему не пристало быть провинциальным редактором. А рядом с ним сидит его первый зам – тот самый очкастый дурак, который наткнулся на нас в сквере, Хойцев. Тоже гнусит что-то наподобие. Так и поют слаженным дуэтом. Сегодня допились до зеленых чертиков в углах и называли друг друга Львом Николаевичем и Федором Михайловичем. А вчера ходили по редакции в подштаниках и выдавали себя за Пушкина и Лермонтова.

А *** мрачный. Я боюсь его. Сейф он так и не открывает с тех пор, как ***** (вырезано много). По-моему, он подозревает что-то жуткое. Недавно он открыл какой-то научный журнал и долго просматривал его. Я заглянула через плечо, и мне показалось... это, конечно, глупо, но мне помешалось, что в журнале твоя фотография. А журнал старый, десятилетней давности, и я подумала, что уже начинаю сходиться с ума, если везде вижу тебя. И грезишься, и снишь-

ся, Коля.

Меня хотят послать на какой-то фестиваль компьютерной музыки в Пензу. Не хочу. Не поеду. Ведь у меня через три дня день рождения, и я (неразборчиво) двадцать пять ле... (зачеркнуто).

Ну ладно. Может, я увижу тебя раньше, чем ты прочтешь это письмо. Тогда мы вместе прочитаем его и посмеемся над моими страхами.

Целую, Колечка. Твоя Лена».

Афанасьев потер лоб и сделал лампу поярче. Вот это уже поконкретнее: двадцать пять лет, фестиваль компьютерной музыки в Пензе (хотя что-то не слышал он о таком), начальник, страдающий манией величия и имеющий первым замом человека со смешной фамилией Хойцев. Словно скрестили фамилии Зайцев и Хорьков – вот и получился такой лингвистический гибрид. И еще, Евгений совершенно точно знал, что в нескольких десятках городских газет и журналов нет первого заместителя редактора с такой фамилией. Хотя перепроверить не мешало.

«А что мешало важным дядям из ГРУ сделать то, что собирается сейчас сделать он?» – мелькнула тревожная мысль, но тут же погасла, поспешно забитая куда-то в район прооперированного три года назад аппендикса.

Афанасьев снял трубку и набрал номер человека, который знал решительно все, что касалось журналистской тусовки.

Главного редактора бульварной газетенки «Вспышка» Анто́на Анато́льевича Коркина. С этим типом Афанасьев старался пересекаться как можно реже, потому что это был самый несносный, болтливый и пустой человек из всей пишущей братии города. Кроме того, он страдал графоманией, хронической словесной диареей, а также любимой болезнью богемы – алкоголизмом, что делало нахождение в его обществе длительностью больше минуты совершенно невыносимым.

Люди, которым звонишь скрепя сердце, только повинувшись неумолимой необходимости, всегда хватают трубку, как бродячая собака – обглоданную кость. Так и Коркин. Не успел Афанасьев набрать номер, как услышал в трубке медленный, неровный голос, вызвавший ассоциации с медленно раскачиваемым и готовым вот-вот с грохотом повалиться шкафом. Этаким кривобоком изделием советской мебельной промышленности образца какого-нибудь тысяча девятьсот шестьдесят лохматого года.

– Анто́н Анато́льевич, – поморщившись, заговорил Афанасьев, – это тебя беспокоит...

– А-а, Афанасьев! – радостно завопил редактор «Вспышки». – Жжжжж! Какими судьбами?! Сколько лет! Сколько зим!

– Слушай, Анто́н Анато́льевич, – преграждая путь перманентной лавине словесного поноса, повысил голос Афанасьев, – тебе не знакома ли, случаем, фамилия Хойцев?

– Хойцев? Ета который? Декан исторического факультета

истфака... шта-а-а ли?

По всей видимости, титан провинциальной журналистики и ас словесной эквилибристики был уже пьян.

– Нет, не тот, – перебил его Афанасьев. – Журналист. Заместитель главного редактора одной из местных газет.

– Журналис-сь? – пропел Коркин и издал в трубку звук, какой отрядил бы в земную атмосферу гиппопотам, обожравшийся гороховой похлебки. – Ну-у-у... постой... постой... есть такая буква!! Х-хой... цефф!!

– Вспомнил, что ли?

– Ну да! Щас к тебе забегу!

Афанасьев побледнел: перспектива оказаться с Коркиным в одном помещении привела его в трепет.

– А ты что, по телефону не можешь?

– Так я его самого щаз-з к тебе приволоку!! – картаво громынуло в трубке и раздались короткие гудки – по всей видимости, Коркин упал и уронил аппарат. Иначе не объяснишь, почему этот болтливый человек закончил разговор первым.

Судя по всему, редакцию ожидало очередное фантасмагорическое шоу «Коркин в гостях у Афанасьева». В этот критический момент дверь отворилась, и в комнату просунулась кудрявая голова одного из сотрудников, Миши Гусмана.

– А где же твоя новая практикантка? – сладко пропел он, намекая на то, что с утра Евгений Владимирович проявлял к девушке весьма недвусмысленный интерес, а сейчас сидел в

кабинете как уныло-целомудренный анахорет и остолбенело смотрел на издающую короткие гудки телефонную трубку.

– Отзынь, Миша, – озабоченно проговорил Афанасьев, – не до практиканток сейчас.

– Ничего, она и так быстро сориентировалась. Сидит с ребятами и девчонками в кабинете по соседству и усиленно общается.

– Это как?

– Ртом. Водку пьет, в смысле. Афанасьев машинально кивнул головой...

3

Когда Коркин говорил, что приволочет к Афанасьеву искомого Хойцева, Евгений и представить себе не мог, до какой плачевной буквальности глагол «приволочь» будет соответствовать действительности.

Дверь распахнулась, как будто по ней ударили кувалдой, и в проеме возникла хаотично жестикулирующая фигура. Секундой позже выяснилось, что то, что Афанасьев принял за жестикуляцию, вызвано тщетным желанием сохранить вертикаль по отношению к земной поверхности. К сожалению, человеку в дверном проеме это не удалось. Он еще раз взмахнул рукой и ткнулся носом в ножки редакционного стула.

Над телом павшего бойца возникла щуплая фигура Коркина – нескладного, находящегося в непрерывном движении, словно он был лишен суставов, мужичонки лет сорока. У него имелась круглая физиономия, на которой болтались очки, делающие его отдаленно похожим на товарища Берию, спившегося еще в относительно молодом возрасте.

– Сказал ему... не пей два последних стопаря, – авторитетно изрек он и рывком поднял на ноги своего незадачливого товарища. – Вставай, отрок... вот многоуважаемый коллега хочет тебя видеть...

Афанасьев приподнялся со стула: такого он не ожидал даже от Коркина. Ну и заместителя тот себе подобрал! Ж

– Это и есть твой первый зам, Антон Анатольевич? – холодно спросил он.

– Какой еще первый зам?! – почти завопил Коркин. – Только вчера прибыл на практику... К тебе небось тоже подкинули хлопцев из университета... обучаться премудростям журналистского ремесла?

Да, у кого чему научишься, подумал Афанасьев. У Коркина – алкоголизму, и куда быстрее, нежели самым что ни на есть азам второй древнейшей, то бишь журналистики. Хотя нет, алкоголизм – это не профессия и даже не диагноз, это – призвание.

Хойцев, прикорнувший было на стуле, теперь водил головой, как танк – башенным орудием, очевидно отчаянно пытаясь сообразить, где это он.

«А рядом с ним сидит его первый зам – тот самый очкастый дурак, который наткнулся на нас в сквере, Хойцев», – вспомнились строки письма, и Афанасьев, внимательно рассмотрев гостя, подумал, что на заместителя главного редактора тот в самом деле не тянет, пусть даже такой откровенно дешевой, бульварной газетенки, как «Вспышка». Возможно, таинственная Лена употребила это определение в переносном смысле... в насмешку, что ли. Хойцеву было от силы девятнадцать, ну, максимум двадцать лет. На его почти еще детской круглой физиономии с ямочками на щеках плавала беспомощная растерянность, возведенная в последнюю степень алкогольным опьянением. На Афанасьева он смотрел так жалобно сквозь свои криво сидящие на переносице очки, что Евгений Владимирович подумал: не принимает ли его подрастающий журналистский кадр за работника милиции, промышляющего отловом таких асоциальных субъектов?

– По-нят-но, – наконец процедил он. – А что, Антон Анатольевич, еще выпить не хочешь?

Обходной маневр был избран удачно: в самом деле, не станет же Коркин отвечать на вопросы относительно состава своей редакции, не приняв для проформы стакан бодрящего напитка?

Пока тот бодро опрокидывал в себя халявную водку, Афанасьев размышлял вот над чем. Главный редактор газеты, упоминаемый во втором письме Лены к Малахову, сильно смахивал на Коркина. Антон Анатольевич тоже любил бить

себя кулаком в грудь и кричать, что он-де великий русский писатель – после двенадцатой – и что он Пушкин, Иосиф Бродский и Сергей Довлатов одновременно – после пятнадцатой. Да и кто из журналистов города способен бегать по редакции в одних подштанниках с криками: «Я – Лермонтов нашего времени!»? Вот только на поход в театр, где, как писала та женщина, она встретила своего шефа, Коркин категорически неспособен и никогда ни в чем подобном не соznавался. Хотя при наличии в театре хорошего буфета... Никакой «Евгений Онегин» и никакая «Баядерка» или «Аида» не вызовут у Коркина такого колоссального высвобождения творческой энергии, как полчаса пребывания в театральном буфете.

– А что это ты, собственно, меня пригласил? – вдруг, подозрительно покосившись на Афанасьева, проскрежетал Коркин. – Это что... расколоть меня хочешь... на новую информацию?

«Новая информация» Антона Анатольевича всегда была до искр в глазах однообразна: бредовые «сенсации» на уровне сплетен и домыслов нездорового воображения. Но сам он придавал ей иное значение и квалифицировал как нечто весьма соблазнительное для коллег из других печатных изданий. Будто все, кому не лень, хотят перехватить этот свежий сенсационный материал и опубликовать первыми. При этом Антон Анатольевич был настолько болтлив, что – разумеется, под большим секретом – рассказывал свои новости

всякому встречному и поперечному, и потому большая часть его «сенсаций» была известна еще до их публикации.

Поэтому в ответ на вопрос Коркина Афанасьев только поморщился и покачал головой, а потом спросил:

– Слушай, Антон Анатольевич, у тебя в редакции работает такая... м-м-м... Елена... э-э-э... – Афанасьев покрутил в воздухе пальцем, словно не мог вспомнить фамилии. – Ну, в общем...

– Елена? – пробормотал Коркин. – Работает... какая-то Елена. Есть одна корректорша... и, кажется, еще из набора... то есть на ком... компьютерной верстке. А которая из них тебе нужна?

– Которой двадцать пять лет, – прямо ответил Афанасьев, зная, что с пьяным Коркиным лучше говорить вот так, напролом, иначе никакого толку: просто не поймет.

– Два-а-аф-ф-ф... ты-тыридцать восемь лет? Не-е-е... что-то не того. Елене Валерьевне под пятьдесят, а Ленке-верстальщице примерно столько же. А чего тебе они сдались? Оне усе замужжже-е-ем! – пропел Коркин. – Да и ее... ее...

Последняя порция водки, похоже, окончательно подкосила организм цветоча городской журналистики и по совместительству гениального русского писателя: Антон Анатольевич стал заикаться, припадать щекой к поверхности стола, а потом и вовсе понес такую околесицу, от которой не пившему ничего, кроме воды, Жене Афанасьеву едва не сделалось дурно.

Он понял, что от Коркина ничего не дождешься. Да он ничего и не знает. Да и вряд ли можно найти эту Лену вот так сразу. Ведь было что-то в этом деле, чего не смогли раскусить даже зубры разведки и что знал или мог узнать он, Афанасьев.

– Черт знает что такое...

Афанасьев тяжело вздохнул, вспомнив холодные глаза представителя военной разведки и его мягкие, выверенные, тяжелые слова, и снял трубку. Он хотел вызвать в кабинет здоровяка Пашу Бурденко для транспортировки безвременно усопшего – от слова «сопеть» – Антона Анатольевича Коркина...

А вскоре произошло непредвиденное.

Сразу же после того, как рослый Бурденко выволок из кабинета обоих корифеев местной журналистики, Женя взял в руки оба письма и покрутил их в руках, прежде чем взяться за повторное, более внимательное и детальное, прочтение. А далее пропустить через графологическую программу, установленную в редакционном компе... И вот как раз в это мгновение в голове Афанасьева что-то стронулось, словно в плотно запертой и прокуренной комнате сразу открыли окна и двери. И тихий, чуть гнусавый голосок проговорил:

«Здравствуйте, Евгений Владимирович. Вы хотите отсканировать эти письма и прогнать через графологическую программу?.. Думаете, этого не сумел бы сделать ваш заказчик?»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Бес по имени Сребреник и девушка по имени Лена

1

Женя дернулся и, вскочив, схватился обеими руками за уши, думая найти там компьютерные наушники. Но наушников не было. В кабинете Серафима Ивановича Сорокина вообще имелся минимум комплектующих к ПК. А голос продолжал:

«Вы должны сделать с этими письмами то, что не может никто из ныне живущих. Вообще, конечно, с этой точки зрения вам чрезвычайно не повезло, уважаемый. Да уж!.. Ох, не повезло! Ой, не повезло!.. Да если бы! Да кабы!.. Ы-ы-ых!!!»

В непонятном этом голоске, занесенном под черепную коробку Жени каким-то сумасшедшим сквозняком, слышались унылые нотки. Впрочем, голос тотчас же окреп и уже куда тверже вытянул:

«Конечно же, вы думаете, Евгений, что сошли с ума, так? Голоса в голове, разные белогорячечные симптомы... Так вот я вам скажу: нет! Ниоткуда вы не сходили! У меня, между прочим, есть возможность просвечивать вас насквозь,

как рентгеновским лучом, так я вам скажу, что у вас мозги еще ой-ой-ой вполне! Хороший такой рельеф мозговых извилин!.. Конечно, вы хотите узнать, кто я такой и по какому праву надоедаю вам в такое сложное время вашей жизни, так ведь?»

– Да хотелось бы... – пробормотал Женя, не переставая обеими руками щупать выпуклости черепа.

«Меня зовут Сребреник. Бес Сребреник».

– Не понял...

«Это резонно. Я тут, рядом с вами, но вы меня не можете ни видеть, ни, так сказать, пощупать. Я из породы так называемых инферналов. Вы даже были знакомы с некоторыми из моих братьев, но вы об этом, так сказать,... запомнили».

Афанасьев повалился на стул и пробормотал:

– Ну вот... допился. Инфернал... Черт, что ли? «В невежливой форме – да. Лично мне больше нравится наименование „бес“. Инфернал – это как-то очень официально, что ли. А зовут меня Сребреник. Бес по имени Сребреник, понимаете, Евгений?»

– Бес Сребреник? – медленно повторил Афанасьев. – Ну ладно. Если уж сошел с ума, нужно делать это со вкусом и прибаутками. Бес... Сребреник. Да уж! А по отчеству?

«Честно говоря, не припомню своего батюшку. Говорят, он был позором рода, – словоохотливо вещало таинственное существо. – А вот мой прапрапрапра (и еще много, много

пра-)дедушка был славен тем, что вселился в самого Иоанна Васильевича

Грозного, после чего тот и принялся кромсать всех без разбору».

– То есть, значит... ты – бес-искуситель, который непонятно с какого перепугу вздумал объявиться, – принялся ворочать остатками мозгов Афанасьев, – следовательно, тебе в пару полагается и ангел-хранитель.

«Это ваши ложные представления о нас, инферналах, – заявил бес Сребреник. – Какой еще ангел-хранитель? Все качества злых и добрых духов объединены в нас, инферналах. Честно говоря...»

– Честно?

«А ты думаешь, что бесы не могут говорить честно? Мы такая же земная раса, как и вы, люди! Только менее многочисленная. Между прочим, я троюродный племянник Астарота Вельзевуловича Добродеева, с которым вы, Евгений, в свое время были знакомы весьма коротко».

– Не припомню что-то, – пробурчал Женя, уже начиная мириться с общей неадекватностью этой занимательной беседы. – Пьян, наверно, был, собака. Гм...

«Я вижу, что вы не верите в мою реальность и склонны считать мой голос проявлениями каких-то душевных болезней. Вот и все люди так! Между прочим, мы, бесы, тоже подвержены заболеваниям нервной системы. Я вот страдаю неврастением и сезонными депрессиями. Так!... Я вижу, вы по-

прежнему сомневаетесь! Так я вам докажу! Я, правда, развоплощенный инфернал, у меня временно отняли мою телесную оболочку. Вы, люди, развоплощение называете пессимистично: смерть. Развоплощенные люди, то бишь умершие, могут выходить на контакт с живыми только в самых редких случаях, да и то когда дает сбой пространственная структура миров...»

Женя коротко взвыл и бросился к сейфу, где у Сорокина стояла бутылка водки. Голос в голове подсказал:

«Ключ от сейфа минуту назад выпал из правого дырявого кармана ваших брюк. Давно пора зашить дыру, Евгений Владимирович!»

Женя мотнул головой и, проведя ладонью по бедру, обнаружил, что ключа в самом деле нет. Он бросил взгляд на пол, потом наклонился и застыл в кривобокой согбенной позе уборщицы, страдающей радикулитом. Дело в том, что не успел он бросить взгляд под письменный стол, как зазвенел металл, и связка ключей сама вылетела к его ногам. На мгновение Афанасьеву показалось, словно это живая мышь, но тут «мышь» ткнулась ему в ботинок и застыла. Женя поддел связку на палец и оглянулся по сторонам. Мурашки пробежали у него по коже.

«Вы совершенно напрасно собираетесь пить водку, когда работаете с такими важными документами, – назидательно проговорил бес Сребреник. – Да, да, письма этой Елены. Вот именно!.. Да вы даже и представить себе не можете на-

сколько!.. Эх!!! Нет, – продолжала трещать трансцендентная нечисть, – я вижу, что вы решительно склоняетесь к водке!.. Не верите в мое существование? Ну, хорошо! Отложим наше окончательное знакомство до лучших времен!»

Под черепной коробкой Жени что-то заскрипело, завизжало, как ржавая пружинная кровать, на которую мешком свалился невменяемый алкаш. Афанасьев решительно налил себе полстакана водки и выпил. После этого он, убедившись, что голос в голове исчез, принялся читать письма незнакомки.

Перед самым уходом из редакции – около десяти вечера – он прочитал заключение графологической экспертизы, переданное ему Ярославом Алексеевичем. Приводить полный ее текст не имеет смысла. Афанасьев сам половину не понял... Особенно после водки, которой он несколько злоупотребил. Итак, РЕЗЮМЕ: образец почерка принадлежит женщине двадцати четырех – двадцати пяти лет, выше среднего роста, хрупкого, почти астенического телосложения. От природы левша. Вероятно, около трех– пяти лет тому назад пережила серьезную травму левой руки, отчего и перешла на правостороннее писание. Темперамент сангвинический, с эксплицитной реализацией эмоций. Характер сильный и волевой. Некоторая склонность к витанию в небесах. «Витание в небесах» было выражено в тексте заключения таким умопомрачительным термином, что разнесчастный Афанасьев вздохнул: хватило бы и «сангвинического» темперамен-

та с «эксплицитной реализацией» эмоций.

Далее: склонность к искусству и литературе. Вероятна высокая степень одаренности в сочетании с неустойчивой психамнезией, или что-то в этом роде (Афанасьев неосторожно стряхнул на это место пепел). Что еще?.. Гм... Достаточно высокая вероятность возникновения нарушений памяти, в частности конфабуляции и псевдореминисценции. У-у-ух, как говаривал этот несносный Сребреник, есть он или нет?!

И прочая, и прочая, и прочая, как пишут в своих манифестах монархи.

Афанасьев прошелся по кабинету Сорокина, в котором, как уже говорилось, он и работал с предоставленными документами, и нервно сплюнул прямо на пол: все происходящее упорно не желало укладываться в голове. Нет, графологическая экспертиза была вполне заурядной в его жизненной практике процедурой (работал в милиции), и многие из сделанных им сегодня выводов совпадали с заключением московских специалистов, разве что без изощренных изысков типа «конфабуляции» и «псевдореминисценций». Но сами обстоятельства, сопровождавшие получение этой работы, были в высшей степени странными и не поддающимися анализу. Ведь в разведке сидят наверняка куда более компетентные люди, чем он. Да еще появление этого странного голоса, который представился как развоплощенный бес с звонким именем Сребреник... Кому скажешь – отправят на лечение в стационар соответствующего профиля.

И этот Малахов, который...

На этой многообещающей мысли дверь скрипнула – опять не смазали петли, ах, этот Серафим Иванович! – Афанасьев вздрогнул и резко повернулся, едва не сметя со стола папку с письмами. Сребреник?.. Где там водка?..

Женя увидел девушку-практикантку, которая пришла сегодня утром. И чего она делает в такой поздний час в агентстве? – подумал Афанасьев и тут же озвучил свою мысль тоном, весьма далеким от лояльного.

– Мы задержались в соседнем кабинете, – чуть побледнев, ответила она и покачнулась.

А-а, да она же «навеселе», как это диагностирует Сорокин. Уж конечно, они тут не кроссворды допоздна разгадывают.

– И что? – несколько поостыв, спросил Женя.

– Мы говорили о вас.

– Кто это – мы? – с едва уловимой насмешкой спросил Афанасьев и провел рукой по лбу: устал.

– Бурденко и Ирина Ивановна, корректорша.

– А редактора Синюткина, пропойцы, там, случаем, не было? До полного комплекта, так сказать?

– Он уже ушел. Кстати, на собственных ногах. Ого, она еще и иронизирует! Афанасьев сел прямо на стол и, покачнувшись вперед, проговорил:

– Что-то утомился я... гм... Ле... Оля. Годы уже не те. Вот в вашем возрасте я, помнится, мог одновременно учить-

ся, работать, а потом еще всю ночь куролесить. А теперь поработал несколько часов – с перерывом на два обеда – и все, выноси готовенького.

Во всем этом была очень даже увесистая порция кокетства. Методика, используемая Афанасьевым для навешивания девушкам лапши на уши, не отличалась оригинальностью, чего уж там...

– Да ну, Евгений Владимирович, разве вам можно говорить такие вещи? Вам еще, наверно, и тридцати нет? – Она улыбнулась какой-то беспомощной улыбкой, и Афанасьев сразу же вспомнил Хойцева: вот с таким же затравленным выражением, вероятно, улыбнулся бы и он, если бы мог. – Да?

– Двадцать восемь. – Афанасьев захлопнул папку с письмами и бросил ее в сейф. И, закрыв створку сейфа, широко, ободряюще и фальшиво улыбнулся девушке: – Вот такие вот дела, Олечка.

– Всего на девять лет старше меня, – звонко сказала она, а потом почти шепотом, словно извиняясь, добавила: – Только я не Оля. Я – Лена.

2

Из редакции они вышли все вместе: Афанасьев, корректорша Ира Колесникова, здоровенный Паша Бурденко, который обычно был равнодушен к спиртному, а сегодня поче-

му-то напоролся до пороссячьего визга. И Лена, которая так быстро нашла общий язык с работниками информационного агентства.

«Безумный день, – подумал Афанасьев, – такое впечатление, как будто сегодня я разгружал вагоны с мукой. Представитель ГРУ Ярослав Алексеевич, голоса в голове, бес Сребреник. Письма, письма... Колян Ковалев, поди, на меня злится, нужно ему позвонить, тем более есть что обсудить. И еще этот Коркин со своим подрастающим поколением. И так рано седею, а тут совсем... Хорошо, Паша Бурденко Антона Анатольевича вместе с его Хойцевым уволок, а то вообще дурдом бы вырисовался».

Он обернулся и посмотрел на Елену, которую вел под руку хохочущий, покрасневший и довольный жизнью Бурденко. Красивая. Если Лариса Лаврентьевна чуть не убила своего мужа Серафима Ивановича за то, что он потезисно излагал приемы журналистского ремесла толстой прыщавой мымре, то за один взгляд, которым Женя сейчас смотрит на Лену, а до того смотрел сам Иваныч, его должно ввергнуть в ад.

...Обычный взгляд. Ничего особенного в нем нет. Да и не может быть. Какая-то юная девочка Лена...

И если что-то и мерцает в самой глубине глаз, то это только потому, что имя это – Елена – целый день, как неусыпная обволакивающая боль, жжет мозг. Быть может, тут причиной и водка, и бес Сребреник, был ли он или не был?... Непонят-

но. И вообще – есть в этом деле, в обстоятельствах его возникновения что-то такое, что делает ноги ватными. Страшно. Внезапно он почувствовал, как же ему страшно и как не хочется идти домой и остаться там одному, в пустой квартире – бывшая подруга уехала, дескать, на похороны своей тетушки. Вернется, нет?.. И что это с ним? Ведь нет никакого повода для возникновения этого липкого, вязущего, цепко хватающего за запястья свинцового оцепенения, за которым таится что-то жуткое. Так, вероятно, чувствует себя птица, когда еще не видит притаившейся в траве змеи, но уже ловит из словно застывшего воздуха флюиды тяжелого, леденящего ужаса.

– Вам плохо, Евгений Владимирович?

Он повернул голову: возле него, чуть касаясь тонкими пальцами его плеча, стояла Лена. За ней громоздилась здоровенная темная фигура. Впрочем, это Бурденко, змейкой проскользнула спасительная мысль, и Афанасьев почувствовал, как расслабляются на мгновение обратившиеся во вздрагивающие стальные канаты жилы на горле. Глупость какая-то.

– Кажется, я перетрудился, – сказал он. – Пойду спать.

– Тебя не проводить? – икнув, спросил Бурденко.

– Зачем? – буркнул Афанасьев. – Тебя бы кто самого проводил...

Бурденко прогрохотал что-то невнятное, а потом вышел на середину дороги и начал голосовать. Машины старательно

огибали эту огромную, шатающуюся фигуру и ехали дальше. Некоторые части притормаживали, но только затем, чтобы обругать мешающего автопотоку Пашу и ехать дальше. И только один идиот замигал поворотником и свернул на обочину. К нему-то и сел Паша. При этом предпринял попытку втащить туда и Лену, но последняя решительно заявила, что такой автостоп ей противопоказан по состоянию здоровья и прописки. Как оказалось, она жила в пяти минутах ходьбы от агентства с милым прозвищем «Пятая нога».

С исчезновением Бурденко Афанасьев повеселел. Только сейчас он заметил, что всех прочих собутыльников уже развели по домам.

– Вас не проводить, Леночка? – спросил он, вымучивая на своем лице самую усталую за всю

свою жизнь улыбку. Лена задумчиво кивнула головой, отчего, потеряв равновесие, чуть не упала в лужу, по которой за минуту до этого вброд переправился Бурденко. Афанасьев едва успел подхватить ее.

– Голова кружится, – виновато сообщила она.

– И мальчики кровавые в глазах? – иронично продолжил Афанасьев.

– М-мальчики? К-кровавы-е?.. – Она недоуменно посмотрела прямо в глаза Афанасьева.

– Да это у Пушкина, – засмеялся он. – Из «Годунова»: «И все тошнит, и голова кружится, и мальчики кровавые в глазах...»

«А у тебя бесы Сребреники в ушах!» – вдруг громыхнуло у него под черепной коробкой, и в голове возник такой звук, как если бы по пустому жестяному ведру нежно приложились пудовой кувалдой.

Афанасьев вздрогнул и, зацепившись ногой за какую-то вальяжно торчавшую из асфальта арматуру, повалился на обочину.

Лена склонилась над ним:

– Жень, вы как? Нормально?

– Да сойдет, – пробормотал Жень, хватаясь рукой за землю, а вместо этого находя хрупкое Ленино запястье. – Ты меня извини... у меня что-то немного голова закружилась, и вообще...

«Что ты девушке мозг пудришь? – цинично высказался бес Сребреник, сопровождая свои слова каким-то мерзким скрипом. – Так и скажи ей, что ты в некотором роде не один, так сказать – одержим инферналом, и никакая клиника тут не поможет. Ну... скажи!»

– Да заткнись ты, чертов Сребреник! – рявкнул Афанасьев и тут же с ужасом обнаружил, что говорит вслух, более того, говорит вслух очень громко.

Интересно, что можно подумать о человеке, валяющемся на земле и явно выпившем, который отгоняет от себя какие-то «сребреники» и рекомендует им заткнуться, притом машет всеми имеющимися в наличии конечностями?.. А особенно интересно, что подумает вполне приличная де-

вушка, которой еще и двадцати нет?

Однако Лену мало смутили такие вещи. Она потянула Женю за руку, придавая ему вертикальное положение. Собственно, он и сам прекрасно бы поднялся, не особо уж он и был пьян. Просто вымотан. Бес Сребреник же, занявший наблюдательный пост то ли где-то поблизости, то ли непосредственно внутри многострадального афанасьевского организма, продолжал свое дивное выступление, но несколько экспансивнее:

«У-ух, Евгений Владимирович! Теперь представляете, каковы неприятности, а? Но ведь это только начало, уверяю вас! Нет, я вовсе не хочу вам зла. Никак не хочу. Более того, я!.. Да уж!.. Хочу стать для вас неким путеводным маяком в эту сложную минуту вашей жизни! Минуту! Час!.. День! Неделю! Год!.. Столетие!.. Ах, эти скверные штучки со временем. Ладно, Женек, – невидимый дух перешел на более доверительную манеру общения, – хватай эту даму и валяй. Я покамест целомудренно помолчу. Молчал же мой далекий предок, когда Иоанн Васильевич проводил брачную ночь с Марфой Собакиной! Это, кстати, та самая царица, которая показана в фильме „Иван Васильевич меняет профессию“.

– Замуровали, демоны!.. – деревянным голосом уронил Афанасьев и воззрился на Лену.

Та мягко, понимающе улыбнулась и произнесла:

– Бывает, Женя. У меня был один знакомый, Сева Жмякин, гитарист. Так он имел обыкновение допиваться до та-

кой степени, что ему в каждом углу мерещилось по черту. Он, чтобы не обидеть, величал эту белогорячечную нечисть по имени-отчеству. Так, в левом ближнем углу у него сидел Иван Селиверстович, в левом дальнем – Петр Никифорович, в другом дальнем – Мефтахудын Ахнефович, бес татарского разлива. Ну и в последнем углу располагался гость из ближнего зарубежья, незалежный бис Петро Викулович. Этот появлялся только после злоупотребления самогоном.

«Ух какая понимающая девчонка попалась!» – пискнул Сребреник.

Афанасьев посмотрел на Лену. Она стояла в своем легком белом платье, чуть подрагивающем на ветру; ее тонкий вполоборота профиль вдруг показался ему таким далеким, словно он увидел его выбитым на серой плите, отделенной от него громоздкой грудой веков... Он опустил глаза и увидел, что весь асфальт у его ног исписан мелом и белые, размываемые начинающимся дождем линии складываются в смешные рисунки, набросанные шаловливой детской рукой. Женья засмеялся и произнес в манере Сребреника:

– Ух и напугал я вас, верно, Лена. И вообще, что за скверная привычка «выкать»? Давай на «ты».

– Давай, – тотчас же согласилась она. – Идем, Женья. Ты, кстати, весь перемазался. Это надо же так упасть – в единственную лужу в городе!

– И, как назло, самую грязную.

– Конечно, самую. Ведь у нее нет конкурентов. Она же –

единственная.

Под ногами захрустела опавшая листва: они вошли в ворота городского парка, за которым находился дом, где жила Лена. Несмотря на ранний час— всего-то десять часов, максимум четверть одиннадцатого, — парк был пустынен. Только одинокая, сгорбленная фигура виднелась на одной из ближайших лавочек — очевидно, какой-то бомж, не найдя лучшего пристанища, прикорнул под сенью огромного раскидистого вяза. И теперь на него с легким шуршанием падали листья.

Афанасьев посмотрел на этот обломок цивилизации и засмеялся: так нелепы показались ему его недавние страхи и так умиротворяюще-спокойна была разлитая в мерно остывающем воздухе сентябрьская тишина. И даже умолкший бес Сребреник уже не существовал, да и как можно было поверить в такую небыль?.. И тут пошел ливень.

— Мы совсем промокли! — смеялась Лена, когда Афанасьев, позабыв о своих недавних недомоганиях, буквально волок ее по превратившейся в русло бурного ручья аллее. — Ты промок, — сказала она, когда они наконец очутились под козырьком подъезда, и ткнулась влажным лбом с прилипшими к нему русыми прядями в его пахнущее мокрыми осенними листьями плечо. — Пойдем выпьем горячего чаю. Брюки очистишь. Посмотри, тебе на спину налипла разная шелуха... Да-а-а!

— К тебе? — машинально вырвалось — не успел сдержаться

– у Афанасьева.

«А что сдерживаться?» – ляпнул Сребреник, и Женя едва удержался оттого, чтобы снова не послать подальше этого беса, эту невесть откуда налипшую, как шелуха из мокрого, облепленного осенними безделицами старого парка, нечисть.

Он вопросительно посмотрел на Лену.

– Я живу одна, – сказала девушка, – так что ничего страшного... и... не подумайте чего, Евгений Владимирович, – невесть почему снова перешла она на протокольный официальный.

Громко мяукнула подъездная кошка, и ее срывающийся голос потонул в надрывном и хриплом порыве ветра; а со стены сорвало плохо приклеенное объявление, и белый листок, то трепещуще застывая в воздухе, то бешено вращаясь и хаотично взлетая, словно танцор с перебитой ногой, растаял во тьме насупившегося вечернего парка.

Нет смысла вникать в дальнейшее. Скромно надеемся, что даже вертлявый бес Сребреник отворотил свое рыльце. Впрочем, об этом история умалчивает. Но так или иначе – через полчаса Лена и ее случайный усталый гость стали любовниками.

А наутро позвонил на Женькину мобилу (почти разряженную) Серафим Иванович и срывающимся голосом сообщил, что только что на счет их агентства переведено ДВАДЦАТЬ тысяч долларов. Невероятная сумма для провинциальной журналистской информконторки. Это был аванс...

Судя по голосу, гражданин Сорокин был испуган. За что, за что им платят столько, ведь еще ничего не сделано?..

3

– Колян, мне срочно нужно с тобой поговорить.

– Да ты че?.. Врв-в-в... гибм-м-м... ты че в такую рань-то звонишь?

– Какая рань, Колян? Одиннадцать часов! Это... мне с тобой нужно поговорить, срочно. Тут небольшая проблемка.

– Ну, так сегодня суббота! Можно подольше поспать, блин!

Судя по голосу Ковалева, вчерашняя пьянка протекала после ухода Афанасьева из сауны еще долго, бурно и живописно, в связи с чем высказывания Коляна и главным образом их тембр и тон смутно ассоциировались... гм... с фугой в исполнении испортившегося сливного бачка, что ли.

– Ну чего там? – пробурчал Ковалев. – Опять какие-то терки не по делу?

– На этот раз куда как по делу.

– И что за дело?.. Так скажешь или это, ну, типа – не по телефону?

– Не по телефону. Ничего так дельце. Ценой в двадцать тысяч баксов для начала в качестве аванса.

Колян сразу проснулся. Из уст Афанасьева ему никогда не приходилось слышать оглашения таких сумм, которые для

самого Ковалева были делом, в общем-то, довольно обыденным. А вот что касается Афанасьева... Последний являлся человеком, вот уже два с лишним месяца сидящим без денег, так что для него и сто баксов явились бы гигантской суммой, не говоря уж о цифре в 200 (двести!) раз большей!

Колян выдохнул:

– У тебя что... заказ какой наклонился?

– Вроде того. Коля, все после. Давай встретимся. Нужно с тобой посоветоваться, дружище. Может, что-нибудь и подскажешь. А то я, честно говоря, скоро с катушек спрыгну.

– Ну ладно, давай я к тебе заеду.

– Да я не дома ночевал.

Колян тотчас же подпустил известную долю двусмысленной масляной иронии:

– Что, девчонку подцепил? Не ту, про которую ты вчера в бане рассказывал, а?

– В точку. Только не подцепил, а... К ней как-то это слово не подходит. Ладно. Но она тут ни при чем. В общем, я сейчас в редакцию, а потом сразу к тебе. Ты один?

Колян поднялся с кровати, повертел головой и ответил в трубку:

– А черт его знает. Я не помню, как и пришел. Жена могла или вчера уйти в знак протеста к подруге ночевать, или сама до сих пор дрыхнет еще. В общем, ты когда подтянешься?

– Думаю, через час. Если буду задерживаться или случится что-то непредвиденное...

– А что, может случиться? – перебил Колян.

– Может. Мне после вчерашнего кажется, что вообще ВСЕ может случиться. Причем сложное такое ощущение... предчувствие, замешанное на...

Колян не любил детальной нюансировки Жениных настроений и мироощущений. Он вообще предпочитал не копаться в разного рода слюнявых мелочах, как он сам это квалифицировал. Потому он решительно перебил своего друга, говоря:

– Ладно, все ясно. В общем, жду тебя к обеду. Я тут как раз немного здоровье поправлю, а то что-то голова болит и вообще...

Здоровье Колян Ковалев действительно поправил. В чем, в чем, а в этом он толк знал. Потому что к приходу Жени Ковалев был уже другим человеком, в корне отличным от того, кто поднял трубку по-утреннему звонку Афанасьева. Этот в корне отличный индивид имел весьма свежий вид, был выбрит и благоухал дорогим одеколоном. Правда, помимо запаха одеколона, просачивались и другие запахи, к примеру – свежего алкоголя. Нет никаких сомнений, что Колян только что удачно опохмелился. Впрочем, Женя и так нисколько в этом не сомневался, потому сразу перешел к делу. Сделал он это в манере, весьма удивившей его друга и соратника: подошел к столу и одну за другой выложил две пачки купюр, каждая бумажка достоинством по пятьдесят долларов. Колян недоуменно смотрел на эти манипуляции Жени, а потом

спросил с оттенком подозрительности:

– Что это?

– Уж не тебе спрашивать, Колян. Ты это видел куда чаще меня. Баксы. Натуральные такие американские дензнаки. Тут две пачки по пять тысяч каждая. Ты вот все говорил, что мне не выдают зарплаты в моем несчастном агентстве «Пятая нога», ну так вот – выдали. К тому же, как я тебе по телефону заявил, это АВАНС. Милый такой аванс, правда?

– И за что? – спросил Колян.

– А вот это, Коля, я и хотел бы выяснить поподробнее. К тому же надеюсь, что и ты мне что-нибудь посоветуешь.

Колян взял в руки одну из пачек, выдернул одну купюру, повертел в руках, даже понюхал, посмотрел на свет и проворчал:

– Насколько я могу судить, непаленая. Нормальная.

– Там, откуда они поступили, фальшивки если и держат, то только в каких-то очень хитрых целях, – отозвался Женя, убирая деньги обратно в карман. – Ладно, пойдем побеседуем. Ты один?

– Галка спит у себя. Она наскоро перекусила, поболтала с какой-то дурищей по телефону и опять спать завалилась. Ну и пусть спит. Баба с возу – потехе час, как говорит наш общий друг мент Васягин, юморист хренов. Ну, проходи, садись. По пивку? Или коньячку лучше?

– Не, коньяк не буду, я уже водки хватанул в редакции с перепугу. Там Серафим Иванович сидит, zenки на бабло пу-

чит. Сам толком понять не может, откуда такое счастье привалило. Мне вот без разговоров половину отдал. Наверно, думает, что это ему на похороны выдали!

– Я так понял, – медленно начал Колян, – что авансик, который свалился на твою голову, как-то связан с тем звонком Иваныча, которым он тебя выдернул из компании нашей. Зря ты ушел... Если б ты остался, может, мы потом не так круто нажрались бы.

Афанасьев сделал движение рукой, долженствующее обозначать, что лично он не питает по этому поводу никаких иллюзий. Мол, нажрались бы, милый друг, все равно нажрались бы. Потом он подождал, пока хозяин принесет запотевшую бутылку водки, а также грубо, фактурно, по-мужски нарубленную закуску в виде толстых ломтей ветчины и сыра и апельсиновый сок в полуторалитровом пакете. Выпили. Женя откинулся на спинку кресла и начал:

– Не знаю, как тебе изложить, Колян, но что дело нечисто, этого не скрывает и сам заказчик, иначе не стал бы платить таких бешеных денег за то, что, казалось бы, мог без труда сделать сам. Вот представь себе: ты – мастер на все руки. У тебя, скажем, отвалилась плитка на стене в ванной. Что ты сделаешь, если, как я уже говорил, ты – мастер на все руки?

– Я?

– Ну не Ты, а человек, который попал в такую ситуацию и который все умеет делать сам?

– Да что ты мне мозги пудришь? Ну, взял бы плитку да и

присобачил ее назад. И всего делов.

– И всего делов, – машинально повторил Афанасьев. – А что бы ты сказал, если бы этот человек не стал ничего делать сам, а пригласил бы мастера, причем спеца так себе, тяп-ляп? И заплатил ему вперед так, как если бы платил Леонардо да Винчи,

который этот сортир ему фресками расписывает. Или Микеланджело. Ну, с Микеланджело и Леонардо я, может, и загнул, но, скажем, платить за (одну плитку как за капитальный евроремонт – это, согласишься, или глупо, или подозрительно. – Не, это без базара, – согласился Колян. – А за что тебе отвалили такие «бабки», к тому же только аванс? Местные – вряд ли, значит, какой-то московский хлыщ? – Вот именно. Московский. К тому же из спецслужб. По крайней мере, он сам так утверждает. А сделать мне нужно вот что: найти по двум письмам, адресованным твоему тезке, Николаю Малахову, некую Лену. Она была его подругой. Этому типу из столицы втемяшилось, что я смогу найти эту Лену... – Так ты одну уже нашел! – хитро сказал Колян. – Ну, знаешь ли. Той едва девятнадцать исполнилось, а автору письма – двадцать пять. К тому же та Елена – левша, а м-м-м... моя Лена – она правша. Да и вообще, что их сопоставлять, глупости какие! В общем, пришли мы в гостиницу к этому Ярославу Алексеевичу... И Афанасьев изложил суть дела, в которое волей-неволей втянул их загадочный столичный гость. Колян слушал внимательно, изредка вставляя короткие от-

рывистые реплики. Когда Женя закончил, Колян выставил вперед нижнюю челюсть, что, верно, должно было обозначать мыслительные потуги, и заявил:

– Н-да. Мутное дело. На моей памяти было однажды, когда журналист получал десять тысяч долларов за работу. Вру! Два случая. Один даже пятнадцать получил за разовое дельце. Пятнадцать тысяч «бакинских», бакс к баксу. Только, Женька, понимаешь, тут такая штука. Этот тип заработал свои деньги за заказной материал на одного члена Госдумы. Члена вскоре законопатили, а журналюгу нашли спустя полгода на дне Москвы-реки. Вот такая петрушка!.. Большие деньги – это всегда риск, это ты уж мне поверь! Никто ничего не платит просто так! «Бабки» руки не жгут?

– Жгут, – признался Афанасьев. – И еще, Колян... Тут еще одно дельце похлеще будет.

«Про меня, что ли? – поинтересовался бес Сребреник. – Ну-ну, заливайте, Евгений Владимирович. Посмотрю я, как Колян Лексеич отреагирует. Ух ты!.. Смехотура!...»

– Про тебя, про тебя, – машинально шепнул бесу Афанасьев.

Колян воззрился на друга в упор:

– Про меня?

– Да не про тебя, Колян. Тут такое дело. В общем, я слышу голос со стороны, который утверждает, что он бес по имени Сребреник. Ты только не... В общем, он на самом деле существует, это не белая горячка и не паранойя, как ты мо-

жешь подумать.

Колян серьезно посмотрел на Афанасьева, а потом без разговоров налил тому стакан водки и почти пропихнул в Женину пятерню. Афанасьев выпил, поперхнувшись на последнем глотке, и, торопясь и судорожно сжимая-разжимая пальцы левой руки, отправил в рот один за другим три куса ветчины.

– На самом деле, – повторил Женя.

– Так-с, значит, вот что, – ничуть не удивляясь, решительно сказал Колян, – сейчас едем ко мне на дачу, два денька отдохнем, соберешься с силами, а то я смотрю, что твой Херувим Иваныч и эта Еленушка последний умишко из тебя выпили. Не возражай и не надо мне тут косорезить!..

Женя хотел возражать. Сребреник хихикал противным смешком, Похожим на теньканье расколотого колокольчика. Тут вошла жена Ковалева, Галя. Они расписались не так давно, но, будучи оба людьми нравными и капризными, делали вид, что уже смертельно надоели друг другу.

– Привет, братцы, – сказала она. – Пьете?

– Да вот тут Женек говорит, что у него проблема: какой-то бес в голове голос подает, говорит, что его зовут Сребреник и что он, в натуре, есть.

Молодая женщина снисходительно улыбнулась и произнесла:

– Как? Бес... Сребреник? Ну-ну. Почему-то меня несколько это не удивляет. Ты-то сам, Коля, не помнишь, как

явился в три часа ночи, сел на кухне и принялся орать, что планерка уже началась, а тебя толком никто не слушает. Ругался, принял меня за какого-то Сережу Панюшкина и требовал, чтобы я немедленно организовала поставку партии труб со склада методом самовывоза в Самару. Что бес Сребреник, что Сережа Панюшкин – все это одного поля ягоды. – Ты, Галина, ничего не понимаешь в мужских делах, – запальчиво объявил Ковалев, – В общем, Женек, собирайся, поехали.

Женя принялся что-то мямлить. Колян не стал его слушать, а просто выволок из квартиры и потащил за собой, говоря, что в той машине, которая на стоянке возле дома, помято крыло, так что придется дойти до гаража и взять другую. Идти было не очень долго, всего четыре или пять кварталов, а там находился гаражный кооператив, где у богатенького буратино Ковалева имелось аж три гаража с двумя машинами (третий был завален разным хламом). По пути Афанасьев несколько раз попытался донести до друга свои опасения относительно Сребреника, но тот его и слушать не стал. Виновник всего этого недоразумения, бес по имени Сребреник, хохотал, разливаясь в ушах Афанасьева издевательскими трелями, а на подходах к гаражам и вовсе принялся травить анекдоты в тему:

«Ваш приятель, уважаемый Евгений Владимирович, напоминает мне одного типа, который спросил у своего друга: „Жора, как перевести „one more time“?“ – „Еще раз“. – „Жо-

ра, как перевести „one more time“? – „Еще раз!!!“ – „Жора, как перевести „one more time“?..“

Афанасьев уже готов был согласиться с Ковалевым и уехать на дачку на день-другой, чтобы собрать воедино все эти разрозненные факты, впечатления и домыслы, от которых впору было сойти с ума... Но тут Колян схватил его за руку и отвел за угол дома:

– Пригнись!

– Что такое? – недоуменно спросил журналист.

– Да по ходу ты был прав, что ко мне пришел. «Хвост» за тобой. Видишь вон того типа? Так он с нас глаз не спускает! А сейчас из виду потерял – видишь, как башкой крутит?..

– Где?

Опытный Ковалев оказался прав. Метрах в двадцати от них стоял какой-то подозрительного вида гражданин в дымчатых очках и крутил головой, явно кого-то выискивая. Женья только сейчас его приметил, а Колян, по собственному его заверению, наблюдал за типом вот уже минут десять. Впрочем, он решил, что пора кончать наблюдения и начинать форсировать ситуацию.

– Сиди тут! – сказал он Афанасьеву, а сам вышел из-за угла и направился к подозрительному типу так споро, что тот и глазом моргнуть не успел, как Колян оказался возле него и рывкнул:

– Ты че тут вынюхиваешь? Че на хвоста прыгнул? Пасешь, ек-ковалек? Че хавало завалил, гнида? Отвечай, пока по-хо-

рошему!..

Если это было по-хорошему, то что же по-плохому?... Так рассудил и тип в дымчатых очках. Потому он снял очки (чтобы не разбили?) и, кротко моргая ресницами, ответил:

– Я... это самое... я вашему другу хотел объяснить...

Колян ничуть не обольстился таким мягким и податливым тоном встреченного товарища. На своем веку ему приходилось сталкиваться с замечательным притворством. К примеру, однажды он выудил из воды дайвингиста, очень культурного человека и кандидата наук, который незадолго до того поднырнул к купавшемуся в реке компаньону Коляна и уволок его в глубину, утопив как котенка. Дайвингист величал Ковалева Николаем Алексеевичем, цитировал Шиллера, Кафку и Германа Гессе, в общем, отпирался как мог, но это ему не помогло. Не поможет и сейчас – вот этому типу в дымчатых очках и с рожей типичного стукача и соглядатая.

– Моему другу? – переспросил Колян, хватая того за грудки. – И кто тебя поставил за ним наружку вести, а, бля? Че молчишь, плесень? Ничего, щас побеседуем.

Изящный пируэт судьбы привел к тому, что через несколько минут все трое, включая Афанасьева, оказались в третьем гараже Ковалева, том самом, что был завален разным хламом. Колян выудил из наваленной в углу кучи кривой обрезок железной трубы, взвесил его на ладони и, грациозно помахивая им в воздухе, приблизился к пойманному

типу. Тот сидел на упаковке из-под холодильника и с ужасом наблюдал, как надвигается на него грозный Колян с подручным средством для дознания.

– Нннну? – промычал Ковалев. – Кто такой? Че потерял?
– Да я... Да я – таксидермист.

Колян скривил угол рта и, опустив трубу, выговорил:

– Кто-кто? Че ж ты сразу так на себя наговариваешь-то? Я пока по-хорошему, а ты, типа... Такси... дерьмо... Водила, что ль, хреновый? Потому и пешком ходишь? Да еще за нами? Может, думал, что я тебя научу рулить и новые права выдам? Нашел Шумахера, ек-ковалек!

Женя Афанасьев беззвучно хохотал в углу. Колян повернулся к нему:

– А ты че?

– Такси... дерми... – выдохнул Женя сквозь смех. – Это, Колян, такой человек, который изготавливает чучела животных: набивает шкуры ватой или каким другим наполнителем и создает объем. Ты вот бываешь в ресторане «Белый барс», видел там на стене такое чучело барса... ты еще говорил, что как живой? Ну так вот, это и делают таксидермисты, понял?

– А, нуда, – сказал Колян, почесывая в голове. – Понятно. Чучело. Да я сейчас сам из него чучело набью! И что же, такси... дерьмист...

– ...дермист.

– И что же тебе надо?

– Меня зовут Ковбасюк, – залопотал тот. – Видите ли, Ни-

колай, не знаю, как вам объяснить... Дело в том, что вы можете мне не поверить и огреть вот этой трубой, но... тут такое дело... Словом, я шел мимо вас и совершенно не соби-
рался за вами идти, однако же увидел, что возле вашего дру-
га вертится третья фигура... странная...

– Ты, что ли?!

– Да нет. В том то все и дело... Я – в некотором роде – экстрасенс... Однажды я вымачивал в ванной, в раство-
ре, шкуру медведя. И случайно уронил туда электроприбор,
подключенный к сети... теперь уже и не припомню какой. И
мне врезало током. Очнулся я в ванной, прибор перегорел,
шкура испортилась. И слышу: голоса. Это разговаривали...

– Архангел Гавриил и апостол Петр? – ухмыльнулся Афа-
насьев.

– Белые слоники? – предположил Колян. – Или зеленые
чертенята?

– Нет, хуже. Два кота, которые у меня дома живут. – Ков-
басюк выпучил глаза и залопотал с такой скоростью, что да-
же Афанасьев с трудом разбирал то, что он говорит: – То есть
я не то чтобы слышал членораздельную речь, я просто пони-
мал, что именно они хотят передать друг другу! Понимаете?
Как в сказке: съел Иржик кусочек волшебной рыбки и стал
понимать голоса зверей¹. А у меня примерно то же самое! Я
уже много раз проверял: мой слух изменился!

---

¹ Ковбасюк упоминает известную чешскую сказку «Златовласка». – Здесь и
далее примеч. автора.

Колян кротко склонил голову набок и стал постукивать железной трубой по ладони.

– Но у меня изменился не только слух, но и зрение, – продолжал чучельник Ковбасюк, – зрение!.. Вот я раньше читал в научно-популярной литературе, что кошки видят привидения, чуют полтергейст и вообще очень чувствительны к подобной... нечисти, что ли. Ну, так вот, когда я сегодня проходил мимо вашего друга, я увидел около него контуры какого-то существа, похожего на человека. Он подпрыгивал то на одной, то на другой ноге... если это можно назвать ногами... и рассказывал вашему другу анекдоты...

Женя сорвался со своего места и подскочил к Ковбасюку. Он разогнулся так, что врезался плечом в железную стену, и лежащий на полке мешок с давно просроченным цементом (оставленный тут, верно, еще отцом Коляна) покачнулся на прогнувшейся и покосившейся полке прямо над головой Ковбасюка и Афанасьева. Женя выговорил:

– Какой... какой анекдот вы слышали?

– Да ты че, Женек, он тебе мозги пудрит, а ты на этот порожняк купился! – небрежно бросил Колян. – Щас я ему...

– Да заткнись ты!!!

Ковалев поперхнулся. Афанасьев, ссутулившись, приблизил свое лицо к лицу низенького чучельника Ковбасюка и повторил:

– Какой анекдот вы слышали?

– Разговор двух друзей, – пролепетал тот, – один другому

говорит: «Петя... или там Вася... как перевести „one more time“?» – «Еще раз. – Жора, как перевести „one more time“?» – «Еще раз».

Афанасьев окаменел. Где-то далеко, в глубинных пластах его существа, заворочался ленивый голос Сребреника, в котором, однако же, читалось удивление:

– Вот тебе и чучело...

– Я че-то не понял анекдота, – сказал Колян. – Че он по пять раз одно и то же повторяет? И вообще...

– Коля, английское выражение «one more time» и переводится как «еще раз», вот в чем штука, – проговорил Афанасьев. – Но главное-то не в этом. Дело все в том, что этот бес Сребреник в самом деле существует, а он, этот такси... дер.... чучельник, слышит и видит. Слишком много совпадений! Слишком много!!!

И он врезал ладонью по железной стене так, что утлая полка, на которой лежал цемент, окончательно прогнулась, и увесистый мешок рухнул прямо на голову Ковбасюку. Тот в свою очередь рухнул без чувств. Женя остолбенело смотрел на дело рук своих, и в этот момент зазвонил мобильник. Афанасьев выговорил натужным голосом, как будто в горле застрял черствый кусок хлеба:

– Слушаю, Афа...насьев.

– Ты как, Женя? – прозвучал голос Лены. – Что у тебя с голосом? Мы сегодня увидимся?

– Н-непременно, – нетвердо ответил Афанасьев. – Я те-

бе перезвоню. – И, закончив разговор, кивнул ухмылявшемуся Коляну: – Ну, теперь сам видишь, что поездка на дачу отменяется. Меня лечить не надо. Надо лечить вот его. Бери машину, повезли его в больницу. Вот только этого феноменального Ковбасюка мне и не хватало до полного счастья. Таксидермист, блин...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Опрокинутое небо»

1

Такое бывает.

Словно удар молнии, приходит запоздалое осознание чего-то невероятно нужного и в то же самое время едва не упущенного – по глупости ли, беспечности или же просто вот так – не заметив за мельканием осенних листьев самого лучшего мгновения короткой, как летняя ночь, жизни.

Это было наваждением. Две Елены. Две судьбы. Два письма. Сюда же примыкали выходы на связь несносного Серебренника, который мешал еще больше, чем плохому танцору мешают... Впрочем, это выражение общеизвестно.

Сорокин и Афанасьев работали над делом уже больше недели. Они не задумывались уже, отчего московские заказчики не могли проделать той же работы, а предпочли нанять дилетантов, да еще заплатить им по-царски. Думать было некогда. Работы было невпроворот. Под разными предложениями им удалось взять образцы почерка у пятнадцати городских Елен двадцати пяти – двадцати шести лет от роду, которые работали журналистками в настоящее время или же в

недавнем прошлом. Ни один не совпадал с образцом. Сорокин предложил расширить диапазон поисков и идентифицировать почерки всех Елен, живущих в городе и сменивших местожительство в последние два месяца. Всех – от восемнадцати до пятидесяти лет.

– Женщинам свойственно скрывать свой возраст, – говорил он, с ужасом вспоминая собственную демоническую супругу. – Одни привирают в сторону увеличения, другие – преуменьшают. Правду говорят немногие. Возможно, наша Лена – не исключение.

При словосочетании «наша Лена» Афанасьев бледнел и менялся в лице. Благодушный Серафим Иванович Сорокин конечно же имел в виду таинственную малаховскую незнакомку, но Евгений думал совсем о другой – о той Чене, которая вот уже десять дней работала в их агентстве и пять дней тому назад сказала Афанасьеву, что любит его. И даже бес Сребреник, который каждый шаг Афанасьева сопровождал ядовитыми комментариями, ничего по этому поводу не произнес.

«Какие странные вещи, – думал Женя, – совпадения, возникающие одно за другим, как фигуры в этом дурацком тетрисе... А что, если?..»

Даже Сребреник заявил по этому поводу: «Она напоминает мне одну ведьмочку, с которой я был знаком в позапрошлом веке в Германии...» А непробиваемый Колян, встретив Лену в обществе Жени, заявил, что она КАКАЯ-ТО

НЕ ТАКАЯ. И где-то в затылке у него проскочили колючие искры, выбившие по всему телу волны тугого, нездешнего озноба... Гром грянул на десятый день расследования. В этот день Лена и Афанасьев пришли к Лене домой очень поздно. Они допоздна засиделись у Серафима Ивановича Сорокина, обсуждая ни к чему не обязывающие мелочи и распивая пиво, благо для того были все условия: жена Сорокина, Лариса Лаврентьевна, уехала на именины к очередной подруге или тетушке. Добрейший Сорокин всегда затруднялся подсчитать количество этих самых тетушек – они постоянно рождались, умирали, звали на Пасху, на Рождество и на крестины, но поголовье их никак не желало сокращаться. Объединяло их всех одно – нежелание видеть непутевого мужа своей племянницы (вариант: подруги) Ларисы и тотальное презрение к этому худшему из представителей мужского пола.

– А что, ночуйте у меня, – предложил радушный Серафим Иванович. – Давайте, давайте, а то мне одному скучно.

Женя уже хотел было согласиться, но тут в ушах прозвонел уже надоевший до колик в животе подвывающий голосок беса Сребреника:

«Не надо поддаваться на провокацию! Завтра с утра мегера как явится, так и попадете под раздачу! Идите к Ленке! А то будете отбрехиваться... Супруги, у-у-ух!! Прапорщик Сидоров пришел домой, – неожиданно сообщил неугомонный инфернал, – а жена ему пожаловалась, что за весь день

ни разу не присела. Прапорщик Сидоров не зверь какой-то. Он тут же заставил жену присесть. Аж двести раз. Так что не мутите! – переключился на более актуальную тему Сребреник. – Идите к Ленке!»

– Тебя не спросили, – буркнул Афанасьев, но любезное приглашение Серафима Ивановича Сорокина все-таки отклонил. С сим Лена и увела его к себе домой.

Они вошли в темную прихожую и прямо с порога услышали какие-то странные звуки: как будто кто-то тяжело вздыхал и ворошил бумажную кипу. Женя тотчас же вспомнил все предостережения Коляна Ковалева, человека чрезвычайно сведущего во всем, что касалось криминала в целом и краж со взломом и бандитских налетов в частности.

«Кто?»

Афанасьев шагнул вперед и бесшумно распахнул дверь, ведущую в гостиную. То, что он увидел, заставило его привалиться спиной к косяку и замереть, как тень. Высокая темная фигура склонилась над столом и рылась в содержимом... стоявшего перед ним небольшого сейфа, отливавшего серебром в тусклом лунном свете, просачивающемся через неплотно прикрытые жалюзи.

Сейф! У Лены! Это еще что такое?! Предыдущие три раза, когда он был у нее, он не видел никакого сейфа... и уж тем более – всяких черных людей, невесть как проникших в запертую – не вскрытую! – квартиру и при лунном свете роющихся в его содержимом. И тут!..

– Неужели я ошибся? – пробормотал человек, роющийся в сейфе, и снова тяжело вздохнул. Точно такие же звуки слышали еще с порога Афанасьев и сама хозяйка квартиры.

Этот вздох словно сорвал с Жени Афанасьева, который был, прямо скажем, не самый храбрый человек в городе, пелену оцепенелого изумления и страха. Он щелкнул выключателем, и ослепленный вспыхнувшим светом человек зажмурился и невольно попятился к окну.

– Вы что тут делаете? – грозно спросил Афанасьев, голосом имитируя самые бойцовские интонации Коляна Ковалева, говорившего с многострадальным чучельником Ковбасюком (последний, кстати, лежал в больнице с сотрясением мозга средней степени тяжести; Колян, сумевший сдружиться с недавней жертвой своего гнева, уже успел с ним выпить за дружбу).

Но вернемся к нашей ситуации. Застигнутый врасплох злоумышленник вздрогнул всем телом, сдавленно пробормотал что-то маловразумительное и, не переставая пятиться, натолкнулся на подоконник.

Это был долговязый, довольно хрупкого телосложения молодой человек лет около тридцати с плохо выбритым продолговатым лицом и глазами очень красивого миндалевидного разреза. Впрочем, глаза – это и все, что было красивого в его внешности. Потому что остальные черты его лица были неправильны и некрасивы – нос картошкой, невыразительный аморфный рот, белесые брови, клочковатая шеве-

люра, круглый, почти женский подбородок, а фигура, длинная и нескладная, на которой мешком сидела одежда, делала его похожим на пугало в огороде рачительного дачника. Вид его был настолько нелеп и комичен, что вошедшая в комнату Лена вместо того, чтобы испугаться, хихикнула.

— Ты кто такой? — спросил Афанасьев, медленно надвигаясь на попавшего впросак злоумышленника. — Че молчишь, а?

— Вы все неправильно поняли, Евгений Владимирович, — пробормотал тот. — Я просто ничего не...

— Ты что, меня знаешь?

— Да нет, просто Лена... она... — И, словно захлебнувшись собственными словами, он сдавленно сглотнул.

Афанасьев перевел глаза на ничего не понимающую Лену. По ее лицу, как пятно по поверхности скатерти, медленно расплывалось блеклое недоумение.

— Что «она»? Лена, может, это твой родственник? Я чего-то не знаю? — В голосе его неожиданно зазвучали какие-то обреченные, но без какого-либо налета укоризны горькие нотки. Был бы трезвый, ему и в голову подобные мысли не пришли бы.

— Да нет же, господи! — воскликнула она. — Я в первый раз в жизни вижу этого человека!! Как вы сюда попали? Вы что — вор?

— Да... то есть нет... то есть я... — Человек замотал головой, отчего его беспорядочная шевелюра стала окончатель-

но напоминать стог сена, в котором долго ворошили вилами в поисках какой-то особо зловредной иголки. – Я хотел сказать, что вы немного не понимаете...

– Ну так объясните! – окончательно входя в недавнюю гажражную роль Коляна Ковалева рявкнул Афанасьев, наблюдая, как молодой человек продолжает пятиться – уже в самый дальний угол комнаты.

– Я боюсь, что из моего объяснения будет мало толку. – Вор взглянул на часы, и его лицо буквально просияло. – Я прошу вас, повернитесь ко мне спиной и закройте глаза.

– Чев-во? – недоверчиво протянула Лена. – Спино-о-ой? А не добавить ли нам к этой услуге еще что-нибудь: например, сказать, где у меня спрятаны драгоценности. Пока мы спиной стоим – как удобно!..

Человек побледнел так, что на его лбу, собравшемся в напряженные горизонтальные складки, выступил пот.

– Вы не понимаете, – быстро заговорил он. – Вы не понимаете, что потом никакой окулист не исправит того, что... Кстати, какое сегодня число?

– Семнадцатое сентября, – машинально ответила Лена, на лице которой нарисовалось крайнее изумление.

– А год?

«Везет тебе, Владимирыч, на сумасшедших, – проклянулся дивный голосок беса Сребреника, – один чучельник чуть сам на чучело не пошел из-за белиберды, которую он Николаю Алексеичу втюхивал... второй влез в квартиру и спра-

шивает у хозяев число и год. У-ух! Наверно, внесет в свою записную книжку как знаменательную дату. Эх-хе-хе-хе!!!»

– Да что это за издевательство? – рявкнул Афанасьев, до которого наконец дошло, что над ними попросту смеются, банально убивая время.

– Да отвернитесь же, чтоб вас! Закройте глаза!! – неожиданно проклянувшимся басом, которого никто не мог ожидать от этого нелепого существа, заорал незванный гость. – Быстррро!

Бес Сребреник завыл, и его голос сорвался на какие-то разрозненные металлические звуки, с какими раскатываются по полу вывалившиеся из коробки монеты.

Лицо неизвестного меж тем исказилось так страшно, что Афанасьев и Лена машинально отвернули головы. И тут полыхнуло. Короткая беззвучная вспышка невероятно яркого пламени осветила комнату кошмарным иссиня-белым светом, а потом потемнела и начала медленно таять, как клубы фосфоресцирующего бутафорного дыма, а в воздухе стаей вспугнутых мальков метнулись синие и белые искры, рассыпались и исчезли, словно пройдя сквозь стены. Лена задрала голову вверх и не сразу поняла, что смотрит прямо на сто-ваттную лампочку, горящую в центральном рожке люстры, и что глаза ее не чувствуют при этом никакого дискомфорта. Ни малейшего.

Попробуйте неотрывно смотреть на лампу в вашей квартире.

Афанасьев, который успел закрыть глаза, почувствовал губительную дрожь в коленях... они подломились, и он мешком осел на пол.

И тут же открыл глаза.

Угол, в котором тремя секундами раньше стоял человек, был совершенно пуст. Неподвижно висели жалюзи.

– Что это было? – только через минуту спросила Лена.

– Не знаю... бред какой-то, – пробормотал Афанасьев. – А откуда у тебя этот сейф?

– Да брат приволок зачем-то... у них в фирме списали якобы по негодности, а он вполне хороший. Мишка и сказал: пусть пока что у тебя постоит, а там видно будет.

– Ага... значит, сейф пустой?

– П-пустой, – подтвердила Лена. – Пустой. А что мне туда класть? Косметику, что ли?

– Ну вот ты говорила этому типу: драгоценности.

– Да какие там драгоценности? – махнула она рукой. – Одно название. Афанасьев медленно поднялся на ноги и прошел в тот угол, из которого так загадочно исчез странный ночной гость. – Какой-то иллюзионист.. Копперфилд, мать его, – пробормотал он. – Не знаю, что и думать. – А я? А мне что прикажешь думать? – спросила Лена. – Как он сюда попал? Как ушел? Откуда нас с тобой знает?

– А ты его не знаешь? – с ноткой подозрения спросил Афанасьев. Он думал о том, что если явление таксидермиста Ковбасюка было ложной тревогой, то вот это непонятное

происшествие вполне может потянуть за собой более серьезные и неприятные события. – Не знаешь?

– Господи, откуда?! У меня в цирке знакомых нет.

– А откуда ты знаешь, что он из цирка? – с тупостью, достойной Паши Бурденко и самого лейтенанта Василия Васягина, спросил Евгений Владимирович.

Лена посмотрела на него как на маразматика и сказала:

– Знаешь что... спать – все равно не заснем, так что не буду оригинальна: пошли выпьем. А то так и свихнуться недолго.

2

Наутро позвонил Ковалев. Теперь ситуация повторилась с точностью до наоборот: Колян разбудил Женю. Афанасьев долго силился понять, что ему говорит Лена, которая сняла трубку и теперь пыталась передать ее Афанасьеву, как того просил друг и сподвижник Жени бравый Колян Ковалев.

– Ты что это? – спросил Женя.

– Да так. Думал об этом твоём Малахове и его телке, которая ему письма катала. Странно как-то...

– Ты мне позвонил утром сообщить, что думал? Я понимаю, для тебя это довольно трудное дело, Коля, – не удержался от шпильки Афанасьев, – но, тем не менее, это не повод, чтобы будить меня поутру. Кстати, как там наш этот... чучельник?

– Да был у него вчера в больнице. Выздоровливает. Нормальный мужик оказался, если не считать этих его прибабасов с кошачьими глюками... то есть привидениями и разными твоими бесами Сребрениками, которые травят беспонтовые анекдоты. В общем, я тут пробил мазу. Сегодня в город приехал этот твой... Ярослав Алексеевич. Пацаны нарыли. Наверно, с тебя итог работы требовать начнет. А у тебя – что?..

Женя перевернулся с боку на бок и тоскливо вытянул:

– Да практически... гм... ничего. Ни про этого, – он покосился на задремавшую Лену, – Малахова, ни про его... его девушку. Темное дело, и, кажется, нас не для того во все это ткнули, чтобы мы что-то нашли, а чтобы *поучаствовали*. Вот только зачем это им – непонятно.

– Главное – не победа, главное – участие, – невесело хмыкнул Ковалев. – Ладно, Женя. Ты не унывай, брателло. Если что, звони мне на трубу, поможем. Да, я тебе подкинул на твою хату пистолет с полной обоймой...

– Да ты с ума сошел!

– ...и заявление в мусарню, что ты его только что нашел и несешь его в милицию. Тебе только подпись подмахнуть и дату проставить и бери, пользуйся. Мало ли что, ситуация, я тебе скажу, не из простых.

Афанасьев тяжело сглотнул вставший в горле комок.

Колян Ковалев оказался совершенно прав. В город приехал Ярослав Алексеевич, отсутствовавший около двух

недель. По методу «аки черт из табакерки» он нагрязнул к несчастному Сорокину, с утра замотанному милой супругой, и потребовал вызвать Афанасьева:

– Для отчета. Как дела?

Особыми успехами похвастаться было сложно. Отчет о деятельности Сорокина и Афанасьева человек из разведки выслушал холодно, и на лице его проницательный наблюдатель без труда мог прочесть, какое мнение составил Ярослав Алексеевич о профессиональной состоятельности работников агентства (собственно, кто бы сомневался, они и не сыщики даже!). Афанасьев почувствовал это и, поколебавшись, все-таки живописал ему вчерашнее происшествие в квартире Лены. Начав довольно сухо, к концу рассказа он увлекся и оснастил финал яркими подробностями.

Эффект превзошел все ожидания. При первых же словах о человеке в неосвещенной квартире перед пустым сейфом, принесенным Лене ее братом, Ярослав Алексеевич распрямился, и презрительное спокойствие, которым так и веяло от его невозмутимого лица, как рукой сняло.

– Вы говорите, он назвал вас по именам?

– Вот именно, с таким выражением, как будто он давно нас знает, а потом... потом...

– Что было потом, я уже слышал, – перебил его Ярослав Алексеевич.

– И вы можете как-то объяснить его исчезновение? – быстро спросил Афанасьев, которого несколько покоробил тон,

избранный замечательным гостем из столицы.

– Не знаю... не знаю... – Разведчик пригладил рукой волосы, а потом залез рукой во внутренний карман пиджака.

– Это он?

На стол легла фотография человека неопределенного возраста, коротко остриженного, с некрасивым, умным лицом и рассеянным взглядом больших, миндалевидного разреза глаз. На вчерашнего странного гостя человек на фотографии походил так же, как вальяжный солидный профессор походит на взъерошенного суетливого студента. В том человеке – ночном госте – доминирующей чертой было растерянное недоумение, а в изображенном на фотографии – спокойный, не выставляющий себя напоказ интеллект.

И все-таки это был один и тот же человек. Афанасьев не мог не признать этого.

– Он? – глухо повторил Ярослав Алексеевич.

– Да, – наконец подтвердил Афанасьев.

– Значит, клюнул, – пробормотал разведчик, медленно подтягивая к себе фото. – Значит, клюнул... Но какой... какой противник...

– Но кто это?

Ярослав Алексеевич помолчал. Потом встал со стула, энергично прошелся по комнате и наконец, резко повернувшись на каблуках прямо перед машинально поднявшимся со своего места Афанасьевым, отрывисто ответил:

– Это наш конкурент. Ему тоже нужны материалы Мала-

хова. И он знает, у кого он может получить эти материалы. Но теперь знаем и мы. Осталось только ждать.

У Афанасьева перехватило дух. «Врет!» – зашелся криком Сребреник, который после инцидента с чучельником Ковбасюком как-то притих и существенно реже выходил на авансцену со своими ершистыми ремарками.

– Но как же так... тогда выходит, что МОЯ Лена и есть та женщи...

– Тише! – рывкнул на него Ярослав Алексеевич. Впервые за все время сотрудничества Сорокин и Афанасьев слышали у него такой голос– Не стоит делать скоропалительных выводов, – уже спокойным голосом продолжил он. – Нет, Лена не та женщина, которая писала те письма. Надеюсь, вы взяли у нее образец почерка?

– Разумеется, – ответил Афанасьев. – Вот он. Ярослав Алексеевич посмотрел на поданный ему листок. Это было заявление Лены о приеме ее на стажировку в агентство Сорокина. «Панфиловой Елены Николаевны заявление...» и т. д., и т. п. Число – 6 сентября 2005 года – и подпись.

– Это совсем другой почерк, – сказал Афанасьев.

– Разумеется, – проговорил Ярослав Алексеевич. – Разумеется, это *другой* почерк. Вашей Панфиловой девятнадцать лет, а той, что писала письма, – двадцать пять. Панфилова не замужем, а у той есть муж. Подруга Малахова пишет правой рукой, а Панфилова, если вы успели заметить, левша.

– Да, я заметил, – подтвердил Сорокин.

– А я нет, – растерянно пролепетал Афанасьев. – Разве Лена – левша? Ах, да...

Ярослав Алексеевич свернул образец почерка Панфиловой вчетверо и положил во внутренний карман пиджака вместе с фотографией таинственного ночного незнакомца, а потом сказал:

– Благодарю вас за проделанную работу, господа. Я уже перечислил Серафиму Ивановичу аванс в размере ТРИДЦАТИ ПРОЦЕНТОВ от оговоренной суммы гонорара. Теперь еще двадцать процентов. Остальные деньги вы получите после того, как информационные носители с базой данных Малахова будут лежать в сейфе нашего ведомства. А теперь, Евгений Владимирович, соблаговолите вернуть мне письма и заключение графологической экспертизы.

– То есть... значит, наша работа завершена? – несколько растерянно спросил Афанасьев.

– Да.

– Но ведь если Лена – не та женщина, как вы сами совершенно справедливо заключили, то... мы не выполнили того...

– Евгений Владимирович, – прервал его Ярослав Алексеевич, на этот раз довольно-таки мягко, – я плачу вам такие деньги не столько за то, что вы выполняли мое поручение, сколько за то, чтобы вы впредь держали язык за зубами и не задавали лишних вопросов. Сумма пропорциональна степени секретности данного дела. Чтобы вы сразу ПОНЯЛИ! Я

понятно изъясняюсь? В противном же случае... Но, думаю, до осложнений не дойдет. Надеюсь, я изъясняюсь достаточно понятно? – повторил он.

Сорокин посмотрел на несколько оторопевшего Афанасьева и, понимая кивнув москвичу, спросил:

– А сколько мы будем ждать оставшуюся часть гонорара?

– Столько, сколько будем ждать мы, – понизив голос, сказал Ярослав Алексеевич. – Быть может, три дня. Быть может, пять– шесть лет. Да... шесть лет.

И он вышел. Афанасьев открыл рот, но Сорокин опередил его:

– Не понимаю. Лена та и Лена не та. Панфилова левша, а та, которую мы искали...

– Да я помню. «От природы левша. Вероятно, около трех–пяти лет тому назад пережила серьезную травму левой руки, отчего и перешла на правостороннее писание», – процитировал Афанасьев заключение графологической экспертизы.

– Ты прямо так наизусть помнишь? – Да.

– Получается, что та, ДРУГАЯ, Елена была левшой, как и наша Лена Панфилова, к которой привязался этот Ярослав Алексеевич, – вслух рассуждал милейший Серафим Иванович. – Но несколько лет назад сломала руку и стала писать правой рукой. Так?

– Так.

Пролилась трель мобильного. Афанасьев глянул на определившийся на экранчике номер. Звонила Лена.

– Да.

– Женечка, ты только не волнуйся, но я, как ваш приятель Ковбасюк...

– Что, что такое?!

– ...попала в травмпункт.

Афанасьев медленно поднялся со стула. Его узкие ноздри раздулись и побелели.

– Если это дело, рук этого скота... – начал было он, имея в виду Ярослава Алексеевича и его возможных подручных, но Лена перебила его:

– Да нет же, котик!.. Успокойся. Я сама виновата. Я упала на улице и сломала руку.

Женя хотел что-то сказать, но у него пересохло в горле, и ни звука не могло протиснуться сквозь неподатливую, шершавую гортань. Он все-таки вытолкнул:

– Р-руку?

– Да. Левую.

3

Женя положил мобильный на стол. Наверно, если бы Лена сейчас привела ему доказательства того, что она – вовсе не она, а негр средних лет, страдающий ожирением и ксенофобией, он все равно не был бы так поражен. Даже болтающийся где-то в окрестностях кабинета бес Сребреник давал понять о своем существовании каким-то мерзлым старуше-

чьим кашлем: кажется, нечисть тоже проняло. Женя посмотрел на Серафима Ивановича, который расхаживал по кабинету и произносил монолог следующего содержания:

– Он в самом деле изъясняется очень понятно, не так ли, Женя? Да и платит за молчание очень и очень... Завтра я собираюсь купить для редакции новую машину и десяток компьютеров, а на оставшиеся деньги... а на оставшиеся деньги подумаем, что можно приобрести еще. Впрочем, примерно то же говорят деятели из редакции Коркина, когда собираются пропить еще не полученный гонорар. А лично мне не дает покоя этот... Ярослав Алексеевич. А еще больше – тот человек, который вчера...

Афанасьев выговорил:

– Если бы ты видел, Иваныч, как это было! Мистика... полтергейст какой-то... театр одного актера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.